

СТИХОТВОРЕНІЯ

БАРАТЫНСКАГО.

Е: А: БАРАТЫНСКІЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Евгенія Баратынскаго.

Часть I.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургичес. Академіи.

—6—
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, 7 Марта; 1833 года.

Ценсоръ Никита Бутырскій.

II.

ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разсѣяны вы приняли пѣвца,
Гранишы Финскія, гранишы вѣковые,
Земля ледянаго вѣнца
Богашыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ, міру современнымъ:
Подобно имъ да будешь онъ
Во всѣ години неизмѣннымъ!

Какъ все вокругъ меня плѣняешь чудно взоръ!
 Тамъ, необъятными водами,
 Слилося море съ небесами;
 Тушь съ каменной горы, къ нему дремучій боръ
 Сошелъ шяжелыми спопами,
 Сошелъ—и смошришь въ зеркалѣ гладкихъ водъ!
 Ужь поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ,
 На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходишь
 И шолько чшо себѣ въ уборъ
 Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
 На небосклонъ она выводишь!
 Такъ вопъ ошечешво Одиновыхъ дѣшей,
 Грозы народовъ ошдаленныхъ!
 Такъ эшо колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
 Разболямъ громкимъ посвященныхъ!

Умолкъ призывный щишь, не слышенъ Скальда гласъ,
 Воспламененный дубъ угасъ,
 Развѣялъ буйный вѣспрь шоржешшвенные клики;
 Сыны не вѣдаюшь о подвигахъ ошцовъ;
 И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
 Лежашъ низверженные лики!
 И все вокругъ меня въ глубокой шиниш!
 О вы, носившие ошь брега къ берегу бои,

Куда ны скрылся, полночные герои?

Вашъ слѣдъ исчезъ въ родноѣ сирани.

Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,

Плывете въ облакахъ шуманною шлодой?

Вы-ль? дайше мнѣ ошвѣшь, услышьше голосъ мой,

Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.

Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!

Какъ ошдѣлились вы ошъ каменной ошчизны?

Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочишаль

На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?

И вы сокрылись въ обишели шѣней!

И наши имена не пощадило время!

Чшо-жь наши подвиги, чшо слава нашихъ дней,

Чшо наше вѣтренное племя?

О, все своей чредой исчезнешъ въ безднѣ лѣшь!

Для всѣхъ одинъ законъ, законъ унищоженья,

Во всемъ мнѣ слышишся таинственнй привѣшь

Объшованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣшности, для жизни жизнь любя,

Я беззабошливый душою

Вострепещу-ль передъ судьбою?

Не вѣчный для времянь, я вѣченъ для себя:

Не одному-ль воображенью

Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежишь,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племень?
Я не для нихъ бренчу незвонкими спрунами;
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечшы мечшамп.

III.

Порою ласковую Фею
Я вижу въ обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служишь готова мнѣ она.
Душой обманушой ликуя,
Мои мечши ей лепечу я ;
Но что-же ? спранны и во снѣ
Непокупное счастье мнѣ :
Всегда дарамъ своимъ предложишь
Условье нѣкое она ,
Которымъ, злобно смышлена ,
Ихъ оправншь или уничтожитъ.
Знашь , самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы ;
Знашь, міру явному дошолъ
Нашъ бѣдный умъ поработонъ ,
Что переносишь по неволѣ
И въ міръ мечши его законъ.

.

Когда придешь желанное мгновенье,
 Когда волнамъ своимъ я ввѣрюсь, океанъ?

Но знай: красой далекихъ странъ
 Не очаровано мое воображенье.

Подъ небомъ лучшимъ обрѣвши

Я лучшей доли не счумѣю;

Вновь не смогу душой моею

Въ краю цвѣшущемъ разцвѣсти.

Межъ шѣмъ ошъ прихоши судьбины,
 Межъ шѣмъ ошъ медленной ошравы бышя

Въ покоѣ работѣнномъ я

Ждашь не хочу своей кончины;

На яросныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ,
 Она ошрадиѣ гордынѣ человека!

Какъ жаждалъ радостей младыхъ

Я на зарѣ младаго вѣка,

Такъ нынѣ, океанъ! я жажду бурь своихъ.

Волнуйся, воспавай на каменные грани;

Ошъ веселишь меня, швой грозный, дикій ревъ,

Какъ зовь къ давно-желанной брани,

Какъ мощнаго врага мнѣ чѣмъ-шо лесный гнѣвъ.

IV.

Я возвращаюсь къ вамъ , поля моихъ ошцовъ ,
 Дубравы мирныя , священный сердцу кровь !
 Я возвращаюсь къ вамъ , домашнія иконы !
 Пускай другія чшущъ приличія законы ;
 Пускай другіе чшущъ ревнивый судъ невѣждъ ;
 Свободный наконецъ ошъ суешныхъ надеждъ ,
 Ошъ безпокойныхъ сновъ , ошъ вѣрныхъ желаній ,
 Испивъ безвременво всю чашу испытаній ,
 Не призракъ счастья , но счастье нужно мнѣ .
 Успалый шруженикъ , спѣшу къ родной шранѣ
 Заснушь желаннымъ сномъ , подъ кровлею родимой .
 О домъ ошеческій ! о край всегда любимой !
 Родныя небеса ! незвучный голосъ мой ,
 Въ стихахъ задумчивыхъ , васъ пѣлъ въ шранѣ чужой ,
 Вы мнѣ повѣше спокойшвіемъ и счастьемъ .
 Какъ въ пришани пловецъ , испытанный ненашьемъ ,
 Съ улыбкой слушаешь , надъ бездною возсѣвъ ,
 И бури грозный свисшь и волнь машежный ревъ ;

Такъ, небо не моля о почестяхъ и злать,
 Спокойный домохъдъ, въ моей безвѣстной хашъ,
 Укрывшись ошь шодны взыскашельныхъ судей,
 Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
 Я буду издали глядѣшь на буря свѣша.
 Нѣшь, нѣшь, не опмѣню священнаго объша!
 Пускай лешинъ къ шапрамъ безшрепешный герой;
 Пускай кровавыхъ бившъ любовникъ молодой
 Съ волненемъ учишься, губя часы злашые,
 Наукъ размѣрять окопы боевые:
 Я съ дѣшсства полюбилъ сладчайшїе шруды.
 Прилежный, мирный плугъ, взрывающїй бразды,
 Почщенїе меча; полезный въ скромной долъ,
 Хочу воздѣлывашъ ошеческое поле.
 Орашай, вешнихъ дней достигшїй надъ сохой,
 Въ забошахъ сладосныхъ наставникъ будешь мой;
 Мнѣ дряхлага ошца сыны шрудолюбивы
 Помогущъ ушучняшь наслѣдшвенныя нивы.
 А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
 Усердный песунъ мой, ты, первый огородъ
 На ошческихъ поляхъ разведшїй въ дни былые!
 Ты поведешь меня въ сады свои гусшые,
 Деревьевъ и цвѣшовъ расскажешь имена;
 Я самъ, когда съ небесь роскошная весна

Повѣшь нѣгою воскреснувшей природѣ ,
 Съ тяжелымъ заспутомъ явлюся въ огородѣ ;
 Приду съ шобой сажушь коренья и цвѣшы .
 О подвигъ благосшный ! не щещень будешь ты :
 Богиня пажисей признашельнѣй Форшуну !
 Для нихъ безвѣшный вѣкъ , для нихъ свирѣль и шруны ;
 Онѣ досшупны всѣмъ , и мнѣ за легкѣй шрудѣ
 Плодами сочными обильно воздадушъ .
 Ошъ градъ и засшуна спѣшу къ полямъ и плугу ;
 А шамъ , гдѣ ручеекъ по баркашному лугу
 Кашишь задумчиво пущышныя шруи ,
 Въ весеннѣй ясный день , я самъ , друзья мои ,
 У берега насажу лѣсокъ уединенный ,
 И липу свѣжую и шополь осребренный ;
 Въ шѣни ихъ ошдохнешъ мой правнукъ молодой ;
 Тамъ дружба нѣкогда сокроешь пепель мой ,
 И вмѣшо мрамора , положишь на гробницу
 И мирный засшупъ мой и мирную цѣвницу .

V.

Ты был-ли, гордый Римъ, земля самовластшитель ,
 Ты был-ли , о свободный Римъ ?
 Къ нѣмымъ развалинамъ швоимъ
 Подходишь съ грусною ихъ чуждый навѣшшитель.

За что ушрашилъ ты величье прежнихъ дней ?
 За что, державный Римъ ! себя забыли боги ?
 Градь пышный , гдѣ швои чершogi ,
 Гдѣ сильные швои ? о родина мужей !

Тебѣ-ли измѣнилъ победы мощный Геній ?
 Ты-ль на распушii времянь
 Споишь въ позорище племень ,
 Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣнiй?

Кому еще грозилъ съ швоихъ семи холмовъ ?
 Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣшшитель?
 Или, какъ призракъ—обвинилъ ;
 Печальный предшоишь очамъ швоихъ сыновъ ?

VI.

О счастіи съ младенчества поскуча,
 Все счастьемъ бѣдень я,
 Или во вѣкъ его не обрѣшу я
 Въ пущыи бышія?

Младые слы ошъ сердца ошлешѣли,
 Не узнаю я свѣшь;
 Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,
 А новой цѣли нѣшь.

Безумень шы и всѣ швои желанья:
 Миѣ шайный голось рекъ;
 И лучшія мечшы моеѣ созданья
 Ошвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
 Свершилось не вполнѣ?
 Зачѣмъ-же въ ней слѣпое сожальнѣе
 Живешь о шаринѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ ропшаньемъ
 Я шяжкій жребій свой ,
 Вдругъ Испину (шо не было мечшаньемъ)
 Узрѣлъ передъ собой.

« Свѣшпильникъ мой укажешь пушь ко счастью !
 (Вьщала) захочу
 И спрашнаго опрадиому беспспрашью
 Тебя я научу .

« Пускай со мной шы сердца жарь погубишь ,
 Пускай , узнавъ людей ,
 Ты , можешь бышь , испуганный разлюбилъ
 И ближнихъ и друзей .

« Я бышя всѣ прелести разрушу ,
 Но умъ насшавлю швой ,
 Я оболую суровымъ кладомъ душу ,
 Но дамъ душѣ покой . »

Я шрепешалъ , словамъ ея внимаю ,
 И горешно въ ошвѣшъ
 Промовилъ ей : о гощья не-земная !
 Печалень швой прывѣшъ .

Свѣщильникъ швой—свѣщильникъ погребальный

Послѣднихъ благъ моихъ!

Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,

И спрашенъ для живыхъ.

Нѣшь, я не швой! въ швоей наукѣ спрогой

Я счастья не найду;

Покинь меня: кой-какъ моею дорогой

Одинъ я побреду.

Прости! изъ нѣшь: когда мое свѣшило

Во звездной вышинѣ

Начнешь блѣднѣть и все, что сердцу мило,

Забышь придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,

Мой разумъ просвѣши:

Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи

Безродно сойдти.

VII.

Наслаждайтесь: все проходите!
 То благой, то сprogой къ намъ,
 Своенравно рокъ приводишь
 Нась къ ушѣхамъ и къ бѣдамъ.
 Чуждъ онъ долгаго пристрастья:
 Вы, чья жизнь полна красы,
 На лесу ловите счастья
 Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходите,
 И ко счастью иногда
 Не ожиданно приводишь
 Нась суровая бѣда.
 И веселью, и печали,
 На измѣнчивой землѣ,
 Боги праведные дали
 Однакожъ крилъ.

VIII.

Люблю я красавицу
 Съ очами лазурными :
 О ! въ нихъ не обманчиво
 Душа ея свѣшнися !
 И если прекрасная
 Съ любовію помною
 На миломъ покоишь ихъ ,
 Онъ мирно блаженспвуешь ,
 Во вѣкъ не смущишь его
 Сомнѣнье мяшежное.
 И кто не довѣрился
 Сіянью ихъ чистому ,
 Эфирной ихъ прелести ,
 Небесной души ея
 Небесному знамению ?

Спрашна мнѣ, друзья мои,
 Краса черноокая ;

За шемной завѣсою
Душа ея кроешся ,
Любовникъ пылаешъ къ ней
Любовью шревозною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣешъ доврѣшься.
Какой-шо недобрый духъ
Качалъ колыбель ея :
Одѣлася шьмой она ,
Вспынала причудою ,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго.

IX.

ЛЕТА.

Душь холодныхъ упованье ,
Непріазненный ручей ,
Чье докучное журчанье
Улыпляетъ Элизей !
Такъ ! достоинъ шы укора :
Для чего въ швоихъ водахъ
Погибаешь безъ разбора
Памяшь горесшей и благъ ?
Прочь съ нещаднымъ ушъшеньемъ !
Я мннувшее люблю
И во вѣкъ ушъхъ забвеньемъ ,
Мукъ забвенья не куплю.

X.

Разсѣпались мы ; на мигъ очарованьемъ ,
На крашкѣй мигъ была мнѣ жизнь моя ;
Словамъ любви внимашь не буду я ,
Не буду я дышашь любви дыханьемъ !
Я все имѣлъ , лишился вдругъ всего ;
Лишь началъ сонъ . . . исчезло свидѣнье !
Одно шеперь унылое смущенье
Осталось мнѣ ошь счастья моего .

XII.

Къ чему невольнику мечпанія свободы?
 Взгляни: безропошно текушь рѣчныя воды
 Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
 Ель величавая сповишь гдѣ возрасла,
 Невластная сойдши. Небесныя свѣшила,
 Назначеннымъ путемъ, невѣдомая сила
 Влечешь. Бродячій вѣсрь неволею, и законъ
 Его лешучему дыханью положень.
 Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
 Мясешныя мечшы смиримъ иль позабудемъ;
 Рабы разумныя, послушно согласимъ
 Свои желанія со жребіемъ своимъ,
 И будешь счастлива, спокойна наша доля.
 Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
 Даруешь спрасши намъ?
 О, тягосшна для насъ.
 Жизньъ, въ сердцѣ бьющая могучею волною,
 И въ грани узкія вѣсненна судьбою.

XIII.

Разсѣиваешь грусть веселый шумъ пировъ ;
 Вчера, за чашей круговою ,
 Въ семействѣ дружескомъ сорашныхъ шалуновъ
 Мечшаль воскреснушь я душою.

Туманъ полуночный на холмы возлегалъ ,
 Шашры надъ озеромъ дремали ,
 Лишь мы не знали сна—и пѣнисный фіаль
 Съ весельемъ буйнымъ осушали.

Но что-же? вѣ себя я щещно живъ хощѣлъ :
 Вино и Вакха мы хвалили ;
 Но я безрадосно съ друзьями радосъ пѣлъ :
 Восшорги ихъ мнѣ чужды были.

Того не пріобрѣшь , что сердцемъ не дано ,
 Всесильнымъ собшвенною силою ;
 Одну печаль свою , уныніе одно
 Способенъ чувшвовашъ унылой !

XIII.

ПЪСНЯ.

Спрашно воешь , завываешь
Въшьрь осенній ;
По поднебесью далече
Тучи гонишь .

На часахъ споншь печалень
Юный рашникъ ;
Онъ уносишся за ними
Грусной думой .

О , куда , куда васъ , шучи ,
Въшьерь гонишь ?
О , куда ведешь судьбина
Горемыку ?

Тошно жишь мнѣ: мать родную

Я покинулъ !

Тошно жишь мнѣ: съ-милой сердцу

Я разстался.

« Не грусти ! » душа дѣвица

Мнѣ сказала.

« За себя молишься будешь

Другъ швой вѣрный. »

Чшо въ молишвахъ ? я въ чужбинѣ

Дни скончаю.

Возвращусь-ли ? взоръ швой дру́га

Не признаешь.

Не видашь въ лицо мнѣ счастья :

Жишь на чшо мнѣ ?

Дай приюшь , земля сырая ,

Разсупися.

Отъ поешь ; никто не слышитъ

Словъ печальныхъ . . .

Ихъ разноситъ , заглушаетъ

Вашерь бурный.

XIV.

Приманкой ласковыхъ рѣчей
 Вамъ не лишишь меня разсудка!
 Конечно, многихъ вы милѣй,
 Но васъ любишь плохая шушка!

Вамъ не нужна любовь моя,
 Не слишкомъ заняты вы мною,
 Не нѣжность, прихоть вашу я
 Признаюемъ спрасшнымъ успокою.

Вамъ дорогъ я, швердише вы,
 Но лишній плѣнникъ вамъ дороже,
 Вамъ очень милъ я, но увы!
 Вамъ и другіе милы поже.

Съ шолпой соперниковъ моихъ
 Я сосязаться не дерзаю,
 И превосходной силѣ ихъ
 Безъ бившы поле уступаю.

XV.

ПАДЕНЬЕ ЛИСТЬЕВЪ.

Желтѣль печально злать полей ,
 Брега взрывалъ источникъ мушной ,
 И голосистый соловей
 Умолкнулъ въ роцѣ безпріюшной .
 На преждевременный конецъ
 Суровымъ рокомъ обреченный ,
 Прощался шакъ молодой пѣвецъ
 Съ дубравой сердцу драгоценной :

« Судьба исполнилась моя ,
 « Проси, убѣжище драгое !
 « О прорицанье роковое !
 « Твой страшный голосъ помню я : »
 — Гошовся , юноша несчастной !
 Во мракъ осени ненастной
 Глубокій мракъ шебѣ грозить ;
 Ужь онъ зіяешь изъ Эрева ,

Послѣдній листь падеть со древа ,
 Твой часъ послѣдній прозвучишь !
 « И вяну я : лучи дневные
 « Вседневно шагче для очей ;
 « Вы улещали , сны злые ,
 « Минушной юности моей !
 « Покину , все что сердцу мило .
 « Ужь мглою небо обложило ,
 « Ужь позднихъ вѣтровъ слышенъ свистъ !
 « Что медлишь ? время насупило :
 « Вались , вались поблекшій листь !
 « Судьбѣ прошивишься безсильный ,
 « Я жажду ночи гробовой ,
 « Вались , вались ! мой холмъ могильный ,
 « Опъ грушной машери сокрой !
 « Когда-жь вечернею порою
 « Къ нему пущынною проною ,
 « Вдоль незабвеннаго ручья ,
 « Придешь поплакашь надо мною
 « Подруга нѣжная моя :
 « Твой легкій порохъ въ чушкѣ сѣни ,
 « На берегахъ Спигійскихъ водъ ,
 « Моей обрадованной шѣни ,
 « Да возвѣснншь ея приходъ ! »

Сбылось ! Увы ! судьбины гнѣва
Покоршвомъ бѣдный не смягчилъ ,
Послѣдній листь упалъ со древа ,
Послѣдній часъ его пробилъ .
Близъ рощи шой его могила !
Съ кручиной шажкою своей ,
Къ ней часшо машерь приходила
Не приходила дѣва къ ней !

XVI.

Любви примѣши
Я не забудь ,
Я ей служилъ
Въ былыя дѣшы !
Въ ней говоришь
И жаръ ланишь
И вздохъ случайной
О ! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови шайной !
Въ душѣ швоей
Ужь нѣшь покоя ;
Давнымъ давно я
Чашаю въ ней ;
Любви примѣши
Я не забудь ,
Я ей служилъ
Въ былыя дѣшы !

XVII.

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, шы
 Игрою любви и сладострасшья
 Исполнишь силишься мучительной мечшы
 Недостигаемаго счастья?
 Я видѣлъ вкругъ себя поклонниковъ швоихъ,
 Полуиссохшихъ въ спрасши жадной:
 Доснигнувъ ихъ любви, любовнымъ кляшвамъ ихъ
 Внимаешь шы съ улыбкой хладной.
 Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ:
 Теперь душа швоя въ покоѣ;
 Придется нѣкогда, извѣдашь и шебѣ
 Очарованье роковое!
 Не опасайся насмѣшливыхъ сѣшей,
 Бышь можешь, избранный шбою
 Уже не вѣришья огню любви швоей,
 Не шронешся ея шоскою.
 Когда-жь пора придетъ, и розы красомы,
 Вседневно свѣжестью бѣдишь,

Погибнуть , ошвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты,
Къ чему безчарная Цирцея ?
Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь ,
Худыя щеки нарумянишь ,
Диша крылатое захочешь , какъ нибудь ,
Вновь приманишь Но не приманишь !
Въ замѣну сновъ молодыхъ щекъ не обрѣши
Покоя , позднихъ лѣтъ оспрады ,
Куда-бы ни пошла , взроясь на пуши
Самолюбивыя досады !
Немирнаго душой , на мирномъ ложѣ сна ,
Такъ убѣгаешь усыпленье ,
И гдѣ для каждаго доступна шипшина ,
Сстрадальца ждешь одно волненье .

XVIII.

Когда-бъ избрашъ возможно было мнѣ
Любой удѣлъ , любое счастье въ мѣрѣ,
Я-бъ не хошѣлъ бышь славнымъ на войнѣ ,
Я-бъ не хошѣлъ играшь на громкой лярѣ ,
Я злѣша-бы себѣ не пожелалъ ;
Но блага всѣ единымъ именуя,
То , дайте мнѣ , Богамъ-бы я сказалъ ,
Чѣмъ Д. понравиться могу я.

XIX.

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
 Товарищъ радостей минувшихъ,
 Товарищъ ясныхъ дней, не давно надо мной
 Мечшой веселою мелькнувшихъ?

Ужель души твоей такъ скоро чуждымъ спалъ
 Другъ отлученный, другъ далекой,
 На Финскихъ берегахъ, между пусыиныхъ скалъ,
 Бродящій съ грустью одинокой?

Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
 Лишь мнѣ чувствительна ушраша,
 Ужель не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
 Судьбой опшорженнаго брата?

Ты помини-ли ты дни, когда рука съ рукой;
 пылая жаждой сладострастья,
 Мы жизни ввѣрились и общему пропой
 Помчались за мечшою счастьемъ?

«Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!»

За полной чашей мы швердали ,
И весело въ струяхъ блестящаго вина ,
Забвенье сладостное пили.

И вошь сгустилась ночь и все въ глубокомъ снѣ —

Лишь дышеть влажная прохлада ;
На сногнахъ шишина ! сіяють при лунѣ
Дворцы и башни Пешрограда.

Къ знакомцу доброму спучишся Купидонъ ,

Пусть дремлешь шруженикъ усталый !

« Проснися , юноша , ошвергни » шепчешь онъ ,

« Покой безчувственный и вялый. »

« Взгляни ! ты видишь-ли : покинувъ ложе сна ,

« Передъ окномъ , полу-одѣша ,

« Томленья спрасшнаго въ душѣ своей полна ,

« Счастливица ждешь моя Лплеша ? »

Толпа безумная ! напрасно ропщешь ты !

Блажень , кто легкою рукою

Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты

И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою ;

Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
 И равнодушiемъ богатый ,
 За царство не отдастъ покоя сладкiй мигъ
 И наслажденья мигъ крылатый !

Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь ,
 Давно проснулись заботы ,
 А баловня забавъ еще покоишь глѣнь
 На дождь нѣги и дремоты.

И Лила спишь еще : любовiю горяшь
 Младая свѣжiя ланиты ,
 И мнишься поцѣлуй сквозь тонкiй сонъ манишь
 Ея уста полу-открыты.

И гдѣ-жь берега Невы? гдѣ чашь веселый спукъ?
 Забышь друзьями другъ заочной ,
 Исчезли радости, какъ въ вихрь слабый звукъ ,
 Какъ блескъ зарницы полуночной!

И я , пѣвецъ утѣхъ , пою ушрапу ихъ ,
 И вокругъ меня скалы суровы
 И воды чуждыя шумяшь у ногъ моихъ
 И на ногахъ моихъ оковы.

XX.

Желанье счастья въ меня вдохнули боги :
Я пребовадь его ошь неба и земли ,
И въ слѣдъ за призракoмъ , манищимъ издали ,
 Жизнь перешель до поль-дороги ;
Но прихoшямъ судьбы я болю не служу :
Счастливымъ ошдыхомъ , на счастье похожимъ ,
Ошнынъ съ рубежа на поврище гляжу
 И скромно кланяюсь прохожимъ .

XXI.

Мнѣ съ упоеніемъ замѣшнымъ
 Глаза подышь на васъ бѣда:
 Вы ихъ вспрѣчаете всегда
 Съ лицомъ сердивымъ, непривѣшнымъ.
 Я полонъ страшною шоской,
 Но нѣшь! разсудка не забуду
 И на нескромный пламень мой
 Ошвѣша шребовашъ не буду.
 Не шерпишь Богѣ младыхъ проказъ,
 Ланишь увядшихъ, впалыхъ глазъ:
 Надежды были-бы напрасны
 И къ вамъ не ими я влекомъ.
 Любуюсь вами какъ цвѣшкомъ,
 И счастливиъ шѣмъ что вы прекрасны.
 Когда я въ очи вамъ гляжу,
 Предавшись нѣжному шомленью,
 Слегка о прошломъ я шужу,
 Но радъ что сердце нахожу

Еще способнымъ къ упоенью.
 Межъ мудрецами былъ чужакъ :
 « Я мыслю » пишеть онъ , « и шакъ
 Я несомнѣнно существую. »
 Нѣтъ ! любишь ты , и пошому
 Ты существуешь : я пойму
 Скорѣ истину шакую.
 Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
 Япешовъ сынъ , гласишь преданье,
 Одушевляя свое созданье ;
 И наказалъ его Зевесъ.
 Неумолимый , Прометей
 Къ скаламъ Кавказа приковалъ ,
 И сердце врань ему клевалъ ;
 Но что-жь ? несчастнаго жалѣя ,
 Кшо на Зевеса не ропшалъ !
 Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
 Я занялъ сердца бышіе :
 Вашъ гнѣвъ достойные укоровъ ,
 Чѣмъ дерзновеніе мое ;
 Но нѣтъ , ушѣшьшесь , шушка водить
 Моимъ проказливымъ перомъ :
 Я захожу въ вашъ милый домъ ,
 Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходить.

Душою праздный съ давнихъ поръ,
Еще швержу любовный вздоръ,
Еще беру прельщенья мѣры,
Какъ по привычкѣ прежнихъ дней,
Онъ ароматы сжешь безъ вѣры
Богажъ чужимъ душѣ своей.

XXXII.

ЦВѢТОКЪ.

Съ восходомъ солнечнымъ Людмила
 Сорвать себѣ цвѣшокъ,
 Куда-то шла, и говорила
 « Кому ошдамъ цвѣшокъ ?

« Чшо шоропишься ? мнѣ-ль наскучишь
 Лелеяшь свой цвѣшокъ ?
 Нѣшь ! недосшойный не получишь
 Душистый мой цвѣшокъ. »

И говорилъ ей каждый встрѣчный :
 Прекрасень твой цвѣшокъ !
 Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
 Ошдай мнѣ твой цвѣшокъ.

Она въ ошвѣтъ: « сама я знаю ,
 Прекрасенъ мой цвѣшокъ ;
 Но не тебѣ, и эшо знаю ,
 Другому мой цвѣшокъ. »

Красою яркой день сіяешъ :
 У дѣвушки цвѣшокъ ;
 Вошъ полдень, вечеръ наступаешъ:
 У дѣвушки цвѣшокъ !

Идешъ. Услава повстрѣчала :
 Онъ прелесшью цвѣшокъ.
 « Ты милъ !— она ему сказала, —
 Возми-же мой цвѣшокъ ! »

Онъ чшо-же дѣвѣ ? Онъ спесиво :
 На чшо мнѣ швой цвѣшокъ ?
 Ты мнѣ даришь его; не диво :
 Увянуль швой цвѣшокъ.

XXIII.

Чшо пользы вамъ ошъ шумныхъ вашихъ премій?
Кипишь война; но чшо же? никому
Побѣды нѣшь! Сказашъ-и почему?
Ни у кого ни мысли нѣшь, ни мнѣній.
Хошише-ли, чшобы народный гласъ
Могъ увѣнчашъ кого нибудь изъ васъ?
Чѣмъ холосшой словесной перестрѣлкой
Морочишь свѣшь и множишь пусшяки,
Порадуйше насъ дѣльною раздѣлкой:
Благословясь, схватишесь за виски.

XXIV.

Сердечнымъ иѣжнымъ языкомъ
Я искушалъ ее сначала :
Она словамъ моимъ внимала
Съ шурымъ безмысленнымъ лицомъ.
Въ ней разбудилъ огонь желаній
Еще надежду я хранилъ
И сладоспрасныхъ лобызаній
Языкъ живой упошребилъ
Она глядѣла шакже шупо ,
Пошомъ разгнѣвалася глупо.
Бѣги за нею модный свѣтъ,
Плѣняйся дѣвой идеальной ,
Владѣю шайной я печальной:
Ни сердца въ ней, ни пола нѣтъ.

XXV.

ЯЗЫКОВУ.

Бывало , свѣшь позабывая
 Съ шобою счастливымъ пѣвцомъ ,
 Твоя Камена молодая
 Вынчалась гроздемъ и плющемъ
 И пѣсни въпренныя пѣла ,
 И къ ней , безумна и слѣпа ,
 То , увлекаясь пламенѣла
 Любовью грубою толпа ,
 То , на свободные напѣвы
 Сердяся въ ханжескѣ шупомъ ,
 Она ругалась чудной дѣвы
 Ей непоняшнымъ Божествомъ .
 Во взорахъ пламень вдохновенья ,
 Огонь воспорга на щекахъ ,
 Былъ жаръ имѣльной въ ея глазахъ

Или румянецъ вожделеня.
Она высоко рождена ,
Ей много славы подобаешь :
Лишь для любовника она
Нарядъ Менады надѣваешь ;
Яви-жь, яви ее скорѣй
Пѣвецъ, въ досшойномъ блескѣ міру :
Наперсницѣ души швоей
Дай діадиму и порфиру ;
Державный санъ ея ошкрой ,
Да изумишь своею красой ,
Да величавый взоръ смущаешь
Ея злословнаго судью ,
Да въ ней худишель швой познаешь
Мою царицу и свою.

XXVI.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
 Тебя, мой другъ, увижу я!
 Скажи: воспоргомъ ожиданья,
 Чшо-жь не шрепещешь грудь моя?
 Не мнѣ ропшашь; но дни печали,
 Бышь можешь, поздно миновали:
 Съ поскою на радость я гляжу,
 Не для меня ея сіянье,
 И я напрасно упованье
 Въ больной душѣ моей бужу.
 Судьбы ласкающей улыбкой
 Я наслаждаюсь не вполнѣ:
 Все мнишся, счастливь я ошибкой
 И не къ лицу веселье мнѣ.

XXVII.

!

Перелетай къ веселью отъ веселья,
 Какъ отъ цвѣшка бѣжишь къ цвѣску дитя;
 Не успѣвай, за суешой бездѣля,
 Задумашься, подумаешь и шуша.
 Пускай тебя къ Коринамъ не причисляшь,
 Играй, мой другъ, играй, и вѣрь мнѣ въ шомъ,
 Чшо многіе о милой Лизѣ мысляшь,
 Когда она не мыслишь ни о чемъ.

XXVIII.

И шакъ, мой милый, не шуша,
 Сказавъ просни домашней нѣгѣ,
 Ты усъ мечшательный круша,
 На шипко-скачущей шѣлегѣ,
 Ошь насъ увм! далеко прочь
 О насъ, увм! не сожалѣя,
 Лешить курьеромъ день и ночь
 Туда, шуда, къ шашрамъ Арея!
 И шакъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
 Ты скоро спанешъ въ рашномъ сиромъ
 Межь удалцами удалцомъ!
 О милый мой! согласенъ въ шомъ:
 Завидно счастье шакое!
 Не приобшуся не впопадъ
 Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
 Иди! воиншвенный нарядъ
 Приличенъ юношамъ ошважнымъ.
 Люблю я бранные шашры,

Люблю безопасность полковую ,
Люблю красивые смошры ,
Люблю тревогу боевую ,
Люблю я храбрыхъ , воинъ мой ,
Люблю ихъ видѣшь въ битвѣ шумной
Лешащихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной !
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зовешъ , любовникъ брани ;
Сшупай , служи богинѣ бѣдъ
И къ ней шрепещущія длани
Съ мольбой подыменъ швой позшъ.

XXIX.

Мила какъ Грація, скромна
Какъ Сандрильона,
Подобно ей, красой она
Достойна шрона.
Пріяшна авра ей моя;
Но чшо мнѣ въ этомъ?
Бышь Королемъ желалъ-бы я,
А не Позшомъ.

XXX.

- Въ дорогу жизни снаряжая
- Своихъ сыновъ , безумцевъ насъ ,
Сновъ золошыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ :
Насъ быспро годы почповые
Съ кормчы довозяшь до кормчы
И снами шѣми пушевые
Прогонн жизни плашимъ мы.

XXXI.

Глупцы не чужды вдохновенья;
Имъ также пыкія мгновенья
Оно какъ геніямъ даришь;
Слешая съ неба, всѣ распенья
Равно весна живошворишь.
Что-жь эшо сходство знаменуешь?
Что имъ глупецъ приобрѣнешь?
Его кауусшою раздуешь,
А лавромъ онъ не расцвѣнешь.

XXXII.

Когда неопытенъ я былъ ,
 У красоты самолюбивой ,
 Мечтатель слишкомъ прихотливой ,
 Я за любовь любви молилъ ;
 Я шепталъ въ шокъ желанья
 У ногъ волшебницъ молодыхъ:
 Но щещно взоръ во взорахъ ихъ
 Искать опивша и узанья !
 Огонь ушихъ въ моей крови ;
 Покинувъ службу купидона ,
 Я промѣнялъ сады любви
 На верхъ безплодный Геликона.
 Но слышмый мѣръ уныль и пущь
 Когда душѣ ничто не мило :
 Руки пожашье замѣнило
 Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ ушь.

XXXIII.

Г-ЧУ.

Врагъ суешныхъ ушѣхъ и врагъ ушѣхъ позорныхъ,
 Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ ;
 Не угодишь тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
 Развращеной прелесью изнѣженныхъ стиховъ :
 Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.

Къ блестящимъ шалостямъ, какъ прежде, не привязанъ
 Я правиламъ своимъ послѣдовати-бы могъ ;
 Но ты-ли мнѣ велишь ославить мирный слогъ
 И, ѣдкой желчію нацѣпывая строки ,
 Саширою возсашь на глупость и пороки ?
 Миродлюбивый нравъ дала судьбина мнѣ
 И счастья моего искалъ я въ пищницѣ ;
 Зачѣмъ я удалюсь ошъ сшоль разумной цѣли ?

И звуки легкіе зашѣйливой свирѣли
 Въ неугомонный лай неловко превраша,
 Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шума?
 Спрашусь ихъ множесва и злобы ихъ опасной.

Полезень общесству саширикъ безпристрастной;
 Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
 На ихъ дурачесва онъ жалуется имъ:
 То укоризнами возшавъ на злодѣянье,
 Его приводитъ онъ въ благое содраганье,
 То ѣдкой силою забавнаго словца
 Смиряетъ поныхи надушаго глупца;
 Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.

Все шакъ; но кто владѣшь перомъ его достоинъ!
 Ошрошь зашѣйливыхъ, насмѣшекъ ѣдкикъ даръ,
 Язвительныхъ сшиховъ какой-шо злобный жаръ
 И ихъ сварашельно подобранные звуки,
 За безпристрастіе забавные поруки!
 Но если полную свободу мнѣ дадушъ,
 Того-ль я усшрашу, кому несшрашенъ судъ,
 Кто въ сердцѣ должнаго укора не находишь,
 Кого и Божій гнѣвъ въ забошу не приводитъ,
 Кого не оскорбишь язвительный языкъ!

Онъ совѣшь усыпиль, къ позору онъ привыкъ.

Но слушай: человекъ, всегда корысти жадный,
 Берется-ли за трудъ навѣрно безнаградный?
 Купецъ разсчетливый изъ добрыхъ барышей
 Ввѣряешъ корабли случайностямъ морей,
 Изъ плашы, опогнавъ сладчайшую дремолу,
 Поденьщикъ до зари выходишь на работу;
 На славу громкую надеждою согрѣшь,
 Въ трудахъ возвышенныхъ, возвышенный поешь;
 Но рвенью моему, что будешь воздаяньемъ:
 Не слава-ль громкая? я бѣденъ дарованьемъ.
 Сшараясь въ нѣкій умъ соощенней привесшь,
 Я благодарношь ихъ мечшаль-бы приобрѣшь,
 Но право смысла нѣшь во словѣ: благодарношь,
 Хошь намъ и нравишься его высокопарношь.
 Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
 Ошь вѣка сихъ вельможъ оставшійся одинъ,
 Но смѣло духъ его хранившій въ вѣкъ новомъ,
 Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
 Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
 Въ совѣсахъ не робѣлъ оспаривашъ Царя,
 Когда прекрасному влеченію послушный,
 Внимашъ ему любилъ Монархъ великодушный,

Изъ благодарности, о немъ у нѣхъ и тѣхъ
 Какія шолки шлѣ? — « Кричишь онъ громче всѣхъ ,
 О благѣ обществу какъ будшо-бы хлопочешь ,
 А право риторическомъ похвасташь больше хочешь ;
 Капономъ смотришь онъ, но шонкаго льстеца
 Ошь насъ не ушайишь подь строгостію лица. —
 Такъ, дучшимъ подвигамъ людское развращенье
 Придумашь слыишся дурное побужденье ;
 Такъ исключительна посредственность любя ,
 Слыишишь высокое унизишь до себя ;
 Такъ самыхъ доблесцей завистливо шрепещешь ,
 И чшобъ не вѣришь имъ, на оныя клеветчешь !

 Нѣшь, нѣшь! разумный мужъ идешь нушемъ инымъ ,
 И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ ,
 Не высшавдаешъ ихъ, но сноишь благоправно ;
 Онъ не дышашся, увѣренный забавно
 Во всемогущесшѣв болшанья своего ,
 Имъ въ людяхъ камѣнишь людское естество .
 Изъ насъ, я думаю, не скажешъ ни единой
 Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной ;
 Межь шѣмъ, какъ шшранны мы! межь шѣмъ любой изъ насъ
 Переиначишь свѣшь задумывалъ не разъ .

XXXIV.

Неизвинительной ошибкой,
 Скажите, долго-ль будешь вамъ
 Внимашь съ холодною улыбкой
 Любви укорамъ и мольбамъ?
 Однѣ победы вамъ извѣсны;
 Любовь нечаянно узнавъ,
 Какихъ лишитесь вы правъ
 И меньше-ль будете прелестны?
 Ко мнѣ примѣрно нѣжной спавъ,
 Бы наслажденья лишены-ли:
 Дурачишь плѣнниковъ другихъ
 И гордой быть, какъ прежде были,
 Къ шоплѣ соперниковъ моихъ?
 Еще-же нужно размышленье!
 Любви простое упоенье
 Васъ не довольствуваетъ вполне;
 Но съ упоеньемъ поклоненье
 Соединить не шрудно мнѣ;

И вашъ угодникъ посювной
Попеременно я-бы могъ—
Бышь съ вами запросно въ диванной ,
Въ гостинной бышь у вашихъ ногъ.

XXXV.

Дало двѣ доли Провидѣніе
 На выборъ мудрости людской:
 Или надежду и волненіе,
 Иль безнадежность и покой.

Вѣрь шопъ надеждѣ обольщающей,
 Кшо бодръ неопышнымъ умомъ,
 Лишь по молвѣ разновѣщающей
 Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйшесь, юноши кипящіе!
 Лешите: крылья вамъ даны;
 Для васъ и замыслы блестящіе
 И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
 Тщешу ушѣхъ, печали власшь,

Вы, знанье бышя прїавше ,
 Себѣ на шагоспную часть !

Гонише прочь ихъ рой прельстительный ;
 Такъ! доживайте жизнь въ пиши ,
 И берегите хладъ спасительный
 Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствїемъ блаженные
 Какъ трупы мершвыхъ изъ гробовъ ,
 Волхва словами пробужденные ,
 Вспаюшь со скрежемъ зубовъ ;

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанья ,
 Безумно вдавшись въ ихъ обманъ ,
 Проснешесь только для сшраданїя ,
 Для боли новой прежнихъ ранъ.

XXXVI.

Одинъ, и пасмурный душою ,
 Я предъ окномъ сидѣлъ ;
 Свисшѣла буря надо мною
 И глухо дождь шумѣлъ.

Ужь поздно было, ночь сгущилась ;
 Но сонъ бѣжалъ очей ,
 О дняхъ минувшихъ пробудилась
 Тоска въ душѣ моей.

« Увижу-ль васъ , поля родныя ,
 « Увижу-ль васъ , друзья ?
 « Губя печалью дни молодые ,
 « Примѣшно вяну я !

« Дни пролетаютъ, годы тоже ;
 « Межь тѣмъ бѣдишь свѣшь !

« Давно-ль покинулъ вась—и чшо-же?

« Двоихъ ужъ въ міръ нѣшь !

« И мнѣ назначена могила!

« Умру въ чужой странѣ,

« Умру и вътренняя Лила

« Не вспомнишь обо мнѣ ! »

Душа спѣснилася шоскою ;

Я грушно онѣмѣлъ ,

Склонился на руку главою ,

Въ окно не зря глядѣлъ .

Очнулся я ; румянь и свѣшель

Ужъ новый день сіялъ ,

И громкой пѣснью ранній пѣшель

Мнѣ ушро возвѣщаль .

XXXVII.

Въ борбѣ съ тяжелою судьбой
Я только пѣлъ мои печали:
Спишки холодные дышали
Души холодною шоской;
Когда-бъ тогда вы мнѣ предешали,
Бышь можешь, грустный мой удѣлъ .
Вы облегчили-бъ. Нѣшь ! едва-ли !
Но я-бы пламениѣ пѣлъ.

XXXVIII.**ЛУТКОВСКОМУ**

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ свои военные рассказы;
Проказы жизни боевой
Ни какъ веселые проказы!
Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго лишняя;
Но мнѣ война еще милѣй
И я люблю, тебя внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей.
Какъ сердце жаждешь бранной славы,
Какъ духъ кипишь, когда порой,
Мнѣ хвалишь рашныя забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный видъ! въ весельи дикомъ,

Вы мчишься грозно. дымъ и громъ !
 Бѣгущій врагъ покрышь спыдомъ
 И страшный бой, съ побѣднымъ кликомъ ,
 Вы запиваете виномъ !
 А Епендорфскіе шрофен ?
 Проказникъ , счастливый вполнѣ ,
 Съ веселымъ сыномъ Цишерен
 Ты дружно жилъ и на войнѣ !
 Спояшь враги шолною жадной
 Кругомъ окоповъ городскихъ ;
 Ты , воинъ мой, защитникъ ихъ:
 Съ шобой семьею безопрадной
 Толпа красавиць молодыхъ.
 Ты сна не знаешь: чуть проглянуль
 День лучезарный сквозь шуманъ ,
 Ужь рыцарь мой на вражіи шанъ
 Съ дружиной быспрою нагрянуль:
 Врагамъ иль смерть, иль спрогій плѣнъ !
 Межь шѣмъ красавицы младыя
 Пришли шолпой, съ высокихъ шѣнъ
 Глядѣшь на игры боевыя ;
 Сраженья видъ ужасенъ имъ ,
 Дивяшся подвигамъ швоимъ ,
 Шлютъ къ небу шеплыя молишвы

Да возврашшся невредимъ
Любезный воинъ съ люпой биввы!
О! кто-бы жадно не купилъ
Молишвы сей покоемъ, кровью!
Но ты не разъ увѣнчанъ былъ
И бранной славой и любовью.
Когда-жь пѣвцу дозволишь рокъ
Узнашь, какъ ты, веселье боя
И заслужишь хоша листокъ
Изъ лавровъ милаго героя?

XXXIX.

Когда печалью вдохновенный
 Невѣць печаль свою поешь,
 Скажише: ошзвивъ умиленный
 Въ какомъ онъ сердцѣ не найдешь?
 Кшо вѣковыхъ проклятій жадень
 Дерзнетъ осмѣивашъ ее?
 Но для пришворства всякій хладень,
 Плачь подражательный досадень,
 Смѣшно жеманное вышье!
 Не напряженнаго мечпанья
 Огнемъ услужливымъ согрѣшь,
 Посшигнулъ таинства сшраданья
 Душешушительный позшь.
 Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
 Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
 Сердечныхъ судорогъ цѣною
 Онъ выраженье ихъ купилъ.
 И вошь неплѣнными лучами

Ликъ гѣснопѣвца окружонъ
И чшимъ земными племенами
Подобно мученику онъ,
А ваша муза площадная
Тоской заемною мечшая
Родишь участие въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной
Молящей лепшы незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

XII.

Нѣшь, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курить я фиміамъ,
Но васъ носилъ въ священныхъ сердца;
Молдлся новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ шаровѣрца.

XLI.

Повѣрь, мой милый! швой Пѣзшь
 Тебѣ соперникъ неопасный !
 Онъ на закашѣ юныхъ лѣшъ,
 На ушренной зарѣ шы юноши прекрасной.
 Живаго чувства полный взглядъ ,
 Уша цвѣшущія, румяныя ланншы,
 Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говоряшь
 Съ душой догадливой Хариты.
 Когда съ шобой наединѣ
 Порой красавица стихи мои похвалишь,
 Тебя напрасно опечалишь
 Ея вниманіе ко мнѣ:
 Она шоропишь пробужденіе
 Младаго сердца швоего
 И вынуждаешь у него
 Свидѣштельство любви, ревнивое мученіе.
 Чшо добраго лѣ моей судьбѣ,
 И что я приобрьлъ красавиць воспѣвая ?

Одно: моимъ стихомъ Харити молодая,
Бышь можешь, выразишь любовь свою къ себѣ!
Счастливымъ баловнемъ Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его вѣрный,
И за прихворныя обиды
Лишь плачу требовашъ умѣй!
А мнѣ, мнѣ предославъ шаишь огонь бесплодный
Рожденный иногда возрѣнемъ красошны,
Умомъ оспоривашъ сердечныя мечшы
И чувство прикрывашъ улыбкою холодной.

XLIII.

Тебя изъ тьмъ не изведу я
 О смершь! и дѣтскою мѣтшой
 Гробовый спань шебѣ даруя,
 Не овлечу шебя косою.

Ты дочь верховнаго Эфира,
 Ты свѣшозарная краса:
 Въ рукѣ швоей олива мира,
 А не губящая коса.

Когда возникнуль мѣръ цвѣтущій
 Изъ равновѣся дикнхъ силъ,
 Въ швое храненъе Всемогущій
 Его усшройство поручилъ.

И ты лешаешь надъ шворенъемъ
 Согласъе прямъ его лѣя
 И въ немъ, прахладнымъ духовенъемъ,
 Смиря буйство бышя.

Ты укрощаешь возстающій
 Въ безумной силѣ ураганъ ,
 Ты , на брега свои бѣгущій ,
 Вспяшь повращаешь Океанъ.

Даешь предѣлы шы расшеню,
 Чшобъ не покрылъ безмърный лѣсъ
 Земли губишельною швнью ,
 Злакъ не возспалъ-бы до небесъ.

А человекъ ! свяшая дѣва !
 Передъ шобой , съ его ланишь
 Мгновенно сходяшь пашна гнѣва ,
 Жарь любосшрасшя бѣжишь.

Дружишся праведный шобою
 Людей недружная судьба :
 Ласкаешь шок-же рукою
 Ты власшелнна и раба.

Недоумѣнье , принужденье
 Условье смушныхъ нашихъ дней :
 Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье ,
 Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей :

XLIII.

Какъ много ты, въ немного дней
 Прожишь, прочувствовашь успѣла!
 Въ мясежномъ пламени спрасней
 Какъ спрашно ты перегорѣла!
 Раба поминательной мечты!
 Въ шокѣ душевной пустошы,
 Чего еще душою хочешь?

 И какъ русалка ты хохочешь.

XLIV.

Храни свое неопасенье,
Свою неопышность лелѣй;
Передъ шобою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣшникѣ своемъ,
И въ свѣшѣ, сердцу будь послушной
И монашпыркой благодушной
Оспанься долго, долго въ немъ.
Пусть для себя преображаемъ
Игрой младенческой мечшы,
Онъ вѣкъ не рознишь съ шикимъ расемъ
Въ кошоромъ разцвѣшала шы.

XLV.

Вчера ненаспанная ночь
 Меня заспала у Лилешы.
 Оспашься-ль мнѣ, идши-ли прочь,
 Межь нами долго шли совѣши.

Но въ чашу свѣшлаго вина
 Наливъ съ улыбкою лукавой,
 Послушай, молвила она,
 Вино совѣшникъ самый здравый.

Я нилъ; на что-жь рѣшился
 Благимъ внушеньемъ полной чашы?
 Побрель по слякоши, друзья,
 И до зари сидѣлъ у Паши.

XLVI.

Незнаю? милая, Не знаю!
Краса пѣнишельна швоя:
Незнаю, я предпочитаю
Всѣмъ шѣмъ, которыхъ знаю я.

XLVII.

БОГДАНОВИЧУ

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Лешы,
 Гдѣ благоденствуюшь ошжившіе поэшы,
 О Душенькинъ поэшь, прими мои стихи!
 Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи
 И надобъвъ живымъ посланьями своими,
 Несчастливымъ мершвецамъ скучашъ рѣшаюсь ими.
 Нѣтъ нужды до того! хочу въ досужный часъ
 Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнассъ,
 Съ тобой, поэшь живой, зашѣливый и нѣжный,
 Всегда плѣнительный, хошь нѣсколько небрежный,
 Чершамъ замѣшнѣйшимъ лукавой оспрошы
 Дающій милый видъ сердечной простишы,
 И часто нагошу рисуя намъ безчинно,
 Почши безстыднымъ бышь умѣющій невинно.

Не хладной шалостью, но сердцем внушена,
 Веселость ясная въ стихахъ своихъ видна ;
 Мечши игривыя шобою бываи пѣсны;
 Въ печаль влюбилсъ мы. Новѣйшіе поэты
 Не улыбаются въ швореніяхъ своихъ,
 И на авцѣ земли все какъ шо не по нихъ.
 Ну чтожъ? поклонъ, да вонъ! увы? не въ эшомъ дѣло;
 Ни жишь имъ, ни писашъ еще не надоѣло,
 И правду безъ зашѣи сказашъ шебѣ пора:
 Приспала къ музамъ ихъ Нѣмецкихъ музъ Хандра.
 Жуковской виновашъ: онъ первый между нами
 Вошелъ въ содружешво съ Германскими пѣвцами
 И спалъ передавашъ, забывши Божій страхъ,
 Жизнехуленья ихъ въ плѣнншельныхъ стихахъ.
 Просни ему Господь!—Но что же! всѣ мараки
 Ударилсъ пошомъ въ задумчивыя враки,
 У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
 Душа увянула и сердце ошцвѣло.
 Какъ шерпингъ публика безуміе шакое?
 Ты спросишь. Публикѣ наскучило простое,
 Мудреное шеперь любезно для нее:
 У вѣка дряхлаго испоршилось чущье.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жишь. Не столько просвѣщенный,
 Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ не развращенный ,

Вѣнцы свои дарилъ, безъ вычуръ шолковншъ,
 Онъ шолько истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
 Но нѣтъ явленія безъ шворческой причины:
 Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екашерны!
 Она любила музъ и шы-ли позабылъ,
 Кто Душеньку швою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
 Я думаю въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертшя блещешъ,
 Понимѣ шѣнь швоя опъ радости шрепещешъ,
 Воспоминая день, сей день, когда пѣвца,
 Еще за милый шрудъ не ждавшаго вѣнца,
 Она, друзья ея, достойно наградили
 И скромнаго его шакъ лесшно изумили
 Шпираллицы Душеньки чшшая нанзустъ.
 Сердца зависшниковъ стѣснила злая грустъ,
 И на другой-же день распросы о поэтѣ
 И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.

Кто вкуса божешвомъ теперь служилъ-бы намъ?
 Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
 Провозглашая судъ разборчивый и правой,
 Завѣдывашъ-бы могъ Парнасскою управой?
 О, добрый нашъ народъ имѣешъ для шого
 Особенныхъ судей, кошорые его,
 Въ листахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ

Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ!
 Даруешь между насъ и славу и позоръ
 Торговой логики смышленной приговоръ.
 О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова,
 Но слушай, какъ чесящъ они одинъ другаго:
 Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
 Повѣришь надо имъ, хотя повѣришь жаль.

Какъ бышь писателю? въ пустынь благодатной,
 Забывши модный свѣщъ, забывши свѣщъ печатной,
 Какъ шы, Философъ мой, шайтсья безъ грѣха,
 Избравъ въ совѣшники коша и пѣшуха,
 И въ тишинѣ шрудясь для собственнаго чувства,
 Въ искусствѣ находишь возмездіе искусства!

Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ-у насъ,
 Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
 Благоуханный дымъ ошъ жершвы безкорыстной!
 Такъ нѣжный Башюшковъ, Жуковской живописной,
 Неподражаемый, и цѣлую орду
 Злыхъ подражателей родившій на бѣду,
 Такъ Пушкинъ молодой, сей въшренникъ блестящій,
 Все подь перомъ своимъ шушя жившворящій

Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
 Недавно опъ него шоварищъ швой Назонъ
 Посланье получилъ) любимцы вдохновенья
 Не могушь побѣдишь сердечнаго влеченья
 И между насъ поюшь, какъ нѣкогда Орфей
 Между мохнашыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.
 Безсмертіе въ вѣкахъ имъ будешь воздаяньемъ!

А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
 Но рвеніемъ горя полезнымъ бышь и имъ,
 Я правды красочу даю стихамъ моимъ,
 Желаю доказашъ людскихъ суешъ ничтожность,
 И хладной мудрости высокую возможность,
 Что мысляю, то пишу. Когда по веселѣи
 Я славилъ на зарѣ своихъ цвѣшущихъ дней
 Законы сладкіе любви и наслажденья:
 Другія времена, другія вдохновенья;
 Теперь важнѣи мой умъ, зрѣнѣе мысль моя.
 Опизь, когда умру повеселю я;
 Тогда, безпечныхъ музъ безпечнаго питомца,
 Прими, Философъ мой, какъ стараго знакомца.

XLVIII.**Очарованье красоты**

Въ себѣ не спрашно намъ:
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суешамъ;
Опъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь за край земной,
И при себѣ душа полна
Священной пишиной.

LIX.

Какъ сладишь съ глупосіью глупца?
Ему въ попадѣ не скажешь слова;
Другова проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ жишь другава.
Онъ всѣмъ преврашно пораженъ
И все на выворощъ онъ видишь:
И безшолково любишь онъ,
И безшолково ненавидишь.

L.

Идилликъ новый на искусь
 Представленъ былъ предъ Аполлона.
 «Какъ пишешь онъ?» спросилъ у Музы
 Богъ безприсстрашный Геликона,
 «Никакъ негодный онъ поэшъ?»
 Нельзя сказать. — «Съ талантомъ?» — Нѣтъ;
 Ошибокъ важныхъ, правда, мало;
 Да пишешь онъ довольно вяло.
 «Я понялъ васъ; въ судѣ моемъ
 Не озабочусь я ни сколько:
 Впередъ нислова мнѣ о немъ,
 Изъ списковъ выключишь—и шолько.»

II.

Такъ ! опсшавнаго шалуна
 Вы вновь шалишь не убъждайше ,
 Иль золошья времена
 Младыхъ зашъй ему опсдайше !

Перемъняющъ годы насъ
 И съ нами вмъсшъ наши нравы :
 Опъ всей души люблю я васъ ;
 Но ваши чужды мнѣ забавы.

Ужь Вакхъ , увънчаннй плющомъ ,
 Со мной по улицамъ не бродишь ,
 И къ вашимъ Нимфамъ , вечеркомъ
 Меня шашаясь не заводишь.

Весельчакамъ я заперъ дверь ,
 Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ ,
 И замънилъ его шеперь
 Присшойнымъ , шихимъ сладосшрасътемъ.

Въ пылу начальномъ дней младыхъ
Неодолимы наши спрасши :
Проказимъ мы , но мы у нихъ,
Не у себя тогда во власши.

Въ своей опвагъ молодой
Товарищъ вашъ блажилъ довольно ;
Не видишь онъ нужды большой
Вновь сумасбродишь добровольно.

LII.

По замѣчанью моему
Альбомъ походишь на кладбище:
И не подобно-ли ему
Онъ всѣмъ открытое жилище?
Не шакже-ль множествомъ именъ
Самолюбиво испещренъ?
Увы! народъ добросердечной
Равно шуда, или сюда,
Несешь надежду жизни вѣчной
И препешь спрашняго суда.
Но я, смиренно признаюся,
Я не надѣюсь, не спрашуся;
Я въ вашихъ памятныхъ листахъ
Спокойно имя помѣщаю:
Философъ я; у васъ въ глазахъ
Мое ничтожество я знаю.

LIII.

Шуми , шуми съ крушой вершинѣ ,
 Не умолкай , пошокъ сѣдой !
 Соедини просяжный вой ,
 Съ просяжнымъ опзывомъ долины .

Я слышу : свищешь Аквилонъ ,
 Качаешь елію скрипучей ,
 И съ не погодою ревучей
 Твой ревъ мяшежный соглашонъ .

За чѣмъ , съ безумнымъ ожиданьемъ ,
 Къ тебѣ прислушиваюсь я ?
 За чѣмъ шрепещешь грудь моя
 Какимъ-то вѣщимъ шрепешаньемъ ?

Какъ очарованный спую
 Надъ дымной бездною швоею ,
 И , мнишся , сердцемъ разумью
 Рчь безглагольную швою .

Шуми , шуми съ крушой вершины ,
Не умолкай , пошокъ съдой !
Соединяй прощяжнѣй вой
Съ прощяжнѣмъ опзывомъ долины ,

LIV.

Она придетъ ! къ ея ушамъ
Прижмусь ушами я мои ;
Приюшь укронный будешь намъ
Подъ сими вязами гусшыми !
Волненьемъ спраспінымъ я шомимъ ;
Но близъ любезной укрошимъ
Желаній нылкихъ нешерпѣные :
Мы ими счасшію вредимъ,
И сокращаемъ наслажденье.

LV.

На крѣвы банжняго селеня
Нисходишь вечерь; день погась.
Покинемъ рошу, гдѣ для насъ
Часы лешѣли какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда изъ ней
Случидось дѣвицѣ моей
Унесшь во взорахъ пламень помный,
Мечшу любви въ душѣ своей
И въ волосахъ лишокъ нескромный.

LVI.

ЕЛИЗИЙСКІЯ ПОЛЯ.

Бѣжишь невѣрное здоровье,
 И каждый часъ готовлюсь я
 Свершить послѣднее условье,
 Законъ послѣдній бышя;
 Ты не спасешь меня, Киприда!
 Пробьюшь урочные часы
 И визойдешь къ брегамъ Анда
 Пѣвецъ веселья и красы.

Просише, въшренные други,
 Съ кѣмъ беззабошно въ жизни сей
 Дѣлалъ я шумные досуги
 Разгульной юности моеѣ!
 Ч. 1.

Я не спрашуся новоселья ;
 Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно :
 Тамъ-поже славишь ошъ бездѣлья
 Я спану дружбу и вино.
 Не измѣнясь въ подземномъ мѣрѣ,
 И шамъ, на шаловливой лирѣ,
 Превозносишь я буду вновь
 Покойной Дафнѣ и Темирѣ
 Неприхошливую любовь.

О Дельвигъ ! слезы мнѣ не нужны ;
 Вѣрь : въ закоцишной споронѣ
 Приемъ радушный будешь мнѣ :
 Со мною музы были дружны !
 Тамъ , въ очарованной шѣни ,
 Гдѣ благоденствують поэшы ,
 Прочшу Кашуллу и Парни
 Мои небрежные куплешы ,
 И улыбнушся мнѣ они.

Когда изъ шависшвенной сѣни ,
 Ошъ темныхъ Орковыхъ полей ,
 Здѣсь навѣщаешь своихъ друзей
 Порою могушь наши шѣни ,

Я навѣщу , о други , васъ ;
 Сыны забавы и веселья !
 Когда для шумнаго похмѣлья
 Вы соберетесь въ праздный часъ ,
 Приду я съ вами Вакха славящъ ;
 А къ вамъ молишва объ одномъ :
 Приборъ покойнику оставишь
 Не забудьше за споломъ .

Межъ шѣмъ за пайными брегами ,
 Друзей вина , друзей пировъ ,
 Веселыхъ добрыхъ мершвецовъ
 Я подружу заочно съ вами .
 И вамъ , чрезъ день или другой ,
 Законъ губительный Зевеса
 Велишь покинуть міръ земной ;
 Мы встрѣшимъ васъ у врашь Айдеса
 Знакомой дружеской толпой ;
 Наполнимъ радостныя чаши ,
 Хвала свиданью возгремишь
 И огласяшь привѣшны наши
 Весь необъемлемый Аидъ !

LVII.

Сей поцѣлуй , дарованный тобой ,
Преслѣдуешь мое воображенье :
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье !
Сойдешь-ли сонъ и взоръ сомкнешь-ли мой ,
Мнѣ снился пы , мнѣ снился наслажденье ;
Обманъ исчезъ , нѣтъ счастья ! и со мной
Одна любовь , одно изнеможенье .

LVIII.

Тебѣ на память, въ книгѣ сей
 Стихи пишу я съ душой смущенной.
 Увы! въ обиходѣ швоей
 Я, можешь спашься, гость минушней!
 Съ изнемогающей душой,
 На неизвѣстную разлуку
 Не разъ, шрепещущей рукой
 Друзьямъ своимъ сжималъ я руку.
 Ты помнишь мелую шпрану,
 Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
 Гдѣ зрѣли первую весну,
 Гдѣ первой шпрасшю пылали?
 Покинулъ я предѣлъ родной!
 Такъ и съ шобою, другъ мой милый,
 Здѣсь проведу я день другой,
 И, какъ узнашь? въ шпранѣ чужой
 Окончу я мой вѣкъ унылый;
 А ты прибудешь въ домъ ошцовъ,

А ты узришь поля родныя ,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспоманешь былъ зодшныя.
Но гдѣ поварищъ , гдѣ позѣшь ,
Тобой съ младенчества любимый ?
Онъ совершилъ судьбы завѣшь ,
Судьбы враждебной , съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой !
Когда-жь списки мои найдешь ,
Гдѣ складу нѣтъ , но чувство живо :
Ты ихъ задумчиво прочтешь ,
Глаза пошунитъ молчаливо . . .
И шихо листъ перевернешь .

LIX.

Когда взойдетъ денница золотая ,
 Горишь зфиръ ,
 И ото сна вспаешь благоухая
 Цвѣшущій міръ ,
 И славишь все сущешвованья сладость ;
 Съ душой швоей
 Чшо въ пору шу ? скажи : живая радость ,
 Тоска-ли въ ней ?

Когда на дѣвъ цвѣшущихъ и привѣшныхъ ,
 Передъ шобой
 Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ ,
 Глядишь порой ,
 Глядишь и пьешь ихъ шомныхъ взоровъ сладость ;
 Съ душой швоей ,
 Чшо въ пору шу ? скажи : живая радость ,
 Тоска-ли въ ней ?

Спрадаю я! Изъ-за дубравы дальней

Взойдешъ заря,

Миръ озаришь, души моеѣ печальной

Не озаря.

Будь новый день любимцу счастья въ сладость,

Душѣ моеѣ

Прошивень онъ! что прежде было въ радость,

То въ муку ей.

Что красота, почти всегда лукавой,

Мнѣ долгій взоръ?

Обманчивъ онъ! знакомъ съ его ошравой

Я съ давнихъ поръ.

Обманчивъ онъ! его живая сладость

Душѣ моеѣ

Спрашна шеперь! что прежде было въ радость,

То въ муку ей.

LX.

Овогченная лешунья ,
Эпиграмма хохошунья ,
Эпиграмма егоза ,
Трешся , вьешся средь народа
И завидишь лишь урода
Разомь вцѣпишься въ глаза.

LXI.

И. И. ГНѢДИЧУ.

Такъ! для ошрадныхъ чувствъ еще я не погибъ,
 Я не забылъ себя, почтенный Ариснигъ,
 И дружбу нѣжную, и Русскія Аены!
 Не Ваховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
 Въ нескромной юности нескромно пѣшихъ мной,
 Не шумной суешы, прославленной толпой,
 Лишенье шяжко мнѣ, въ краю гдѣ Финну нищу
 Ошчизна мершвая едва даруешь пицу,
 Нѣшь, нѣшь! мнѣ шягосшно ошсущствіе друзей,
 Лишенье шягосшно бесѣды мнѣ швоей,
 То насшавишельной, шо сладосшно ошрадной:
 Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ позна-
 ній жадной,
 И сердцу и уму я пицу находилъ.

Счастливецъ ! дни свои ты музамъ посвящилъ
 И бодро дѣйствуешь прекрасные полѣвка
 На полѣ умственныхъ усилій чловѣка ;
 Искусства вѣжныя и дѣшительный шрудъ ,
 Занявъ , украсили свободный швой пріюмъ .
 Живилель сердца шрудъ ; искусства наслажденья .

Еще не породивъ прямаго просвѣщенья ,
 Избышокъ породилъ бездѣйственную лѣнь .
 На мѣръ сношворную она нагнала шѣнь
 И чадамъ роскоши , обремененнымъ скукой ,
 Довольство бѣдности шягчайшей было мукой ;
 Искусства низошли на помощь къ нимъ шогда :
 Уже ошвыкнувшихъ ошъ грубаго шруда ,
 Къ шрудамъ возвышеннымъ они воспламенили
 И праздность упражняшь роскошно научили ;
 Бышь можешь , шчасщемъ обязаны мы имъ .

Какъ бѣденъ спраждующій бездѣйшвиемъ своимъ !
 Печальный , жалкій рабъ шупаго усыпленья ,
 Не постигаетъ онъ души упошребленья ,
 Въ дремошу грубую всечасно погружонъ ,
 Ошвыкнулъ чувшвовашъ , ошвыкнулъ мыслишь онъ ,

На собственнѣхъ пирахъ вздыхаешь онъ украдкой,
 Чшо даясь для него мгновенья жизни краешкомъ.

Они въ углу моемъ не даясь для меня.
 Судьбу младенчески за строгость не вина
 И взявъ съ себя примѣръ, поэзію ученье
 Призвалъ я украшать свое уединенье.
 Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
 Пришельца новаго пугающіе взоръ,
 Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
 Напѣвы грустные прощальныхъ пѣсень Финна,
 Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ
 Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.

Я побѣдилъ ее, и не убишь неводей,
 Еще я бышія владѣю лучшей долей,
 Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
 То вопрошаю я преданія вѣковъ,
 Всемирныхъ перемѣнъ чишаю въ нихъ причины,
 Наспавленъ давнею превращенностью судьбины,
 Учусь покорствовать судьбинѣ я своей;
 То занявъ свойствами и нравами людей,
 Послупковъ ихъ ищущи прямыхъ побужденья,
 Вникаю въ сердце ихъ, слышу его движенья,

И въ сердцѣ разуму опочеть спаряюсь дашь !
 То вдохновеніе , парнаса благодать ,
 Мнѣ душу радуешь восшоргами своими :
 На мигъ обворожень , на мигъ обманушь ими ,
 Дышу свободиѣ , и лиру взявъ свою ,
 И дружбу , и любовь и нѣгу я пою .

Осмѣливаясь пѣшь , я помню препикновенья
 Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья ;
 Но всякому свое , и машь племень людскихъ ,
 Усердыя полная ко благу чадь своихъ ,
 Природа , каждаго дая особой спраснью ,
 Намъ разные пуши прокладываетъ къ счастью :
 Кто блескомъ почешей плѣнень въ душѣ своей ;
 Кто созданъ для войны и любить спукъ мечей ;
 Любезны пѣсни мнѣ . Когда-то для забавы ,
 Я , праздный , посѣшилъ Парнасскія дубравы
 И воды свѣшлыя Каспальскаго ручья ;
 Тамъ къ хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушиваюсь я ,
 Тамъ , очарованный , влюбился я въ искусство
 Другимъ передавашь въ согласныхъ звукахъ чувствю ,
 И не спрашась шолпы взыскашельныхъ судей ,
 Я умереть хочу съ любовью моею .

Такъ, скуку для себя считая бѣдсшвомъ главнымъ ,
 Я духа предаюсъ порывамъ своенравнымъ ;
 Такъ, безъ усилія ведешь меня мой умъ
 Огнь чувешва къ диалогии , къ мечшамъ огнь важ-
ныхъ думъ !

Но ни души моей восторги одиноки ,
 Ни любомудрїа полезные уроки ,
 Ни пѣсни мирныя , ни легкія мечшы ,
 Воображенїа случайныя цвѣшы ,
 Среди глухихъ лѣсовъ и скалъ моихъ унылыхъ ,
 Не замѣняюшь мнѣ людей для сердца милыхъ ,
 И часто грустїю невольною объашь ,
 Увидѣшь-бы желалъ я пышный Петроградъ ,
 Весши желалъ-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
 Въ кругу дѣшей искусшь и нѣги просвѣщенной ,
 Апелла , Фидїа желалъ-бы навѣщашъ ,
 Съ шобой желалъ-бы я бесѣдовашъ опяшь ,
 Мужъ , дарованьями , душою превосходный ,
 Въ спихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный !
 За шо не въ первый разъ зываю я къ богамъ :
 Ошдайше мнѣ друзей: найду я счастье самъ !

LXII.

Взгляни на ликъ холодный сей ,
Взгляни : въ немъ жизни нѣтъ ;
Но какъ на немъ былыхъ спрасшей
Еще замѣшенъ слѣдъ !
Такъ ярый шокъ , оледенѣвъ ,
Надъ бездною виситъ ,
Ушрашивъ прежній грозный ревъ ,
Храня движенья видъ .

LXIII.

Прощай , опчизна непогоды ,
 Печальная страна ,
 Гдѣ дочь любимая природы ,
 Безжизненна весна ;
 Гдѣ солнце не хоша сіяеть ,
 Гдѣ сосень вѣчный шумъ ,
 И моря ревъ , и все пишаешь
 Безумье мрачныхъ думъ ;
 Гдѣ ошлученный ошъ опчизны
 Враждебною судьбой ,
 Изнемогалъ безъ укоризны
 Изгнанникъ молодой ;
 Гдѣ позабышь молвой гремучей ,
 Но все душой пѣишь ,
 Своею Музою дешучей
 Онъ не былъ позабышь !
 Теперь , для сладкаго свиданья
 Спѣшу къ странѣ родной ;

Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуешь за мной :
И камней мшистыхъ громады ,
И видъ полей нагихъ ,
И вѣковые водопады ,
И шумъ угрюмый ихъ !
Я вспомню съ шайнымъ сладострасьемъ
Пустынную справу ,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ шихимъ счастьемъ
Провелъ мою весну ,
Но гдѣ порою жила неба ,
На перекорь судьбъ ,
Не измѣнилъ пишомецъ Феба
Ни Музамъ , ни себѣ.

LXIV.

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни,
 Но искренно забылъ я Геликонъ
 И признаюсь: не прихошливой лѣни
 Мнѣ нравишься примаичивый законъ;
 Охоша пѣшь ужь не владеешь мною:
 Она прошла, погасла, какъ любовь.
 Опяшь любишь, играешь струнами вновь,
 Желаль-бы я, но ушомлень душою.
 Иль жить нельзя опрадою иною?
 Съ бездѣйствіемъ любезенъ мнѣ союзъ;
 Лѣтнемъ счастливымъ усыплениемъ,
 Я не хочу пришворнымъ изсуплениемъ
 Обманывашь ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

LXV.

Я поѣхалъ себя, пѣвишельная сѣнь,
 Не въ дни веселые живишельнаго Мая,
 Когда зелеными вѣшьями помавая,
 Манишь ты пушника въ свою густую тѣнь;
 Когда ты вѣешь аромашомъ
 Тобою бережно вздѣланныхъ цвѣшовъ:
 Подъ очарованный швой кровъ
 Замедлилъ я моимъ возвратомъ.
 Въ осенней нагошѣ стояли дерева
 И непривѣшливо чернѣли;
 Хрустѣла подъ ногой замерзлая шрава
 И листья мершвые волнуясь шумѣли;
 Съ прохладой рѣзкою дышала
 Въ лице мнѣ запахъ увяданья;
 Но не весеняго убраншва я искалъ,
 А прошлыхъ лѣшь воспоминанья.
 Душей задумчивый, медлишельно я шель
 Съ годовъ младенческихъ знакомыми шропами;

Художникъ опытный ихъ нѣкогда провель :
 Увы ! рука его изглажена годами !
 Спези заглохшія , мечшаешь , пешеходъ
 Случайно прошопшалъ . Сошелъ я въ доль завѣшнѣй,
 Долю , первыхъ думъ моихъ лелѣяшель привѣшнѣй!
 Прѣда знакомага искалъ красивыхъ водъ ,
 Иискалъ прыгучихъ водъ мнѣ памяшной каскады;
 Тамъ , думалъ я , къ душѣ моей
 Толпою полешашъ видѣнья прежнихъ дней . . .
 Вошце ! лишеныя хранишельной преграды ,
 Далече воды ушекли ,
 Ихъ ложе поросло шравою ,
 Приюшъ хозяйшвенный въ немъ улья обрѣли
 И легкая шропа исчезла предо мною :
 Ни въ чемъ знакомага мой взоръ не обрѣшалъ !
 Но вошъ , по прежнему , лѣсисшымъ косогоромъ ,
 Дорожка смѣлая ведешъ меня . . . обваль
 Вдругъ поглотилъ ее . . . я спалъ
 И глубъ нежданную измѣрилъ грушнымъ взоромъ ;
 Съ недоумѣніемъ искалъ другой шропы .
 Иду я : гдѣ бесѣдка шлѣшъ
 И въ прахъ передъ ней лежашъ ея сполны ,
 Гдѣ ошовъ мосшика дряхлѣшъ .
 И шы , величешвенный грошъ ,

Тяжело-каменный постигнушь разрушеньемъ

И угрожаешь ужь паденьемъ

Бывало, въ лѣсной зной, прохлады полный сводъ !

Что-жь ? пустьъ минувшее минуло сномъ лешучимъ !

Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,

И обаянїемъ могучимъ

Исполненъ для души моеѣ.

Онъ не былъ мыслию, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,

Тотъ, кто глубокой нѣги жаденъ,

Ихъ своенравный бѣгъ процамъ симъ указалъ,

Кто преклоняя слухъ къ мечшашельному шуму

Сихъ класновъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей пишалъ

Ему сочувственную думу.

Давно, кругомъ меня, о немъ умолкнулъ слухъ,

Пріяла прахъ его далекая могила,

Мнѣ память образа его не сохранила,

Но здѣсь еще живешь его доступный духъ ;

Здѣсь, другъ мечшанья и природы,

Я познаю его вполнѣ :

Онъ вдохновенїемъ волнуется во мнѣ,

Онъ славить мнѣ велишь лѣса, долины, воды ;

Онъ убѣдительно пророчишь мнѣ спрану,

Гдѣ я наслаждаю безсмертную весну,

Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной снѣи невянущихъ дубровъ
У нескудьющихъ ручьевъ
Я шѣнь священную мнѣ встрѣчу.

LXVI.

Когда исчезнешь омраченье
 Души болѣзненной моей ?
 Когда увижу разрѣшенье
 Меня опушавшихъ съшей ?
 Когда сей демонъ наводящій
 На умъ мой сонъ его мершвящій,
 Ошмыдешь, чадный, осьъ меня
 И я увижу лучъ блестящій
 Всеозаряющаго дня?
 Освобожусь воображеньемъ
 И крылья духа подыму
 И пробужденнымъ вдохновеньемъ
 Природу снова обниму ?

Вошще-ль мольбы ? напрасны-ль пѣни ?
 Увижу-ль снова ваши сѣни,
 Сады поэзіи свяшой ?
 Увижу-ль васъ, ея свѣшила ?

Вошце ! я чувствую: могла
Меня живаго приняла
И легкой дарь мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробоной насыпью легла.

LXVII.

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдши
 Въ сей жизни блаженство прямое ;
 Небесные боги не дѣляся имъ
 Съ земными дѣшми Промеши.

Похищенной искрой созданье свое
 Дерзнулъ оживишь безразсудный ;
 Безсмертныхъ онъ презрѣлъ и страшная казнь
 Постигнула чадъ свяшопашства.

Нашъ шягосный жребій : положенный срокъ
 Пишашся болѣзненной жизнью ,
 Любишь и лелѣяшь недугъ бышя ,
 И смерти ошрадной спрашишься.

Нужды непреклонной слѣпые рабы ,
 Рабы самовлашнаго рока !
 Земнымъ ощущеньямъ насильшвенно насъ
 Случайная жизнь покоряешь.

Но въ искрѣ небесной пріѣли мы жизнь ,
 Намъ памятно небо родное ,
 Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
 Спрремимся неяснымъ желаньемъ ! . . .

Вошце ! Мы надолго отвержены ямъ !
 Сієшь красою надъ нами ,
 На брєнную землю , безопасно оно
 Торжєшвенный сводъ опираєшь

Но намъ недоспуно ! Какъ алчный Таншаль
 Сгараєшь средь влаги прохладной :
 Такъ сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ ,
 Томимся мы жаждою счастья.

LXVIII.

О сзоснравная Аглая !
 Опъ всей души я васъ люблю ,
 Хошя другимъ не подражая ,
 Довольно рѣдко васъ хвалю .
 На вашихъ ужинахъ веселыхъ ,
 Гдѣ любящъ смѣхъ , и даже шумъ ,
 Гдѣ не кладушъ оковъ шяжелыхъ
 Намъ ни на сердце , ни на умъ ,
 Гдѣ для глупца или невѣжды
 Словъ не размѣриваемъ мы ,
 Я основалъ свои надежды
 И счастье нынѣшней земы .
 Ни въ чемъ не слѣдуя присшрасшью ,
 Даете цѣну вы всему :
 И ошпроумью и уму ,
 И удовольспивію и счастью .
 Свѣшъ пренебрегши, въ добрый часъ ,
 И пришѣснительную моду ,

Всему и всѣмъ забавишь васъ
Вы дали полную свободу ,
И пошому далеко прочь
Ошъ васъ бѣжитъ причудницъ мука ,
Жеманшва пасмурная дочь ,
Всегда зѣвающая скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пустякамъ.
Просшите мнѣ мои укоры !
Не умъ одинъ дивился вамъ ,
Опасны сердцу ваши взоры :
Они лукавы , я слыхалъ ,
И щекошливѣе другаго ,
Ошъ упоенія сѣпаго
Спасши разумокъ свой желалъ.
Я въ немъ шеперь едвали воленъ
И часто пасмурный душой ,
За шо я вами не доволенъ ,
Чшо не доволенъ самъ собой.

LXIX.

Люблю деревню я и лѣпо :
И говоръ водъ, и шѣнь дубровъ ,
И благовоніе цвѣшовъ ;
Какой душѣ не мило это ?
Бышь шакъ, прощаю комаровъ ;
Но признаюсь — пустыни жинель ,
Покой пустынный въ ней любя ,
Комаръ двуногой, гостъ мучитель ,
Нѣшь , не прощаю я себя !

LXX.

Въ своихъ спихахъ онъ скукой дышешь ;
Жужжаньемъ ихъ наводишь сонъ.
Не говорю : за чѣмъ онъ пишешь ,
Но для чего чишаешь онъ ?

ЛХХІ.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бышя ;
Но что ? поссорился вскорѣ
Во всемъ несходные друзья !
Лишь перекрестокъ улучили ,
Другъ другу молвили : прости !
Недолго розно побродили ,
Черезъ день сошлись въ концѣ пуши !

LXXII.

Рѣшишьельно , печальныхъ спрокъ моихъ
 Не хочешь ты ошвѣтомъ удостоишь ;
 Не пронудась ты нѣжнымъ чувствомъ ихъ
 И презрѣла мнѣ сердце успокоишь !
 Не оживу я въ памяти швоей ,
 Не вымолю прощенья у жестокой !
 Виновень я : я былъ не вѣренъ ей ;
 Нѣшь жалосши къ шоскѣ моей глубокой !
 Виновень я : я славилъ женъ другихъ
 Такъ ! но когда ихъ слухъ предубѣжденной .
 Я обольщала игрою шрунъ моихъ ,
 Къ тебѣ лешълъ я думой умиленной ,
 Тебя я пѣлъ подъ именами ихъ .
 Виновень я : на балахъ городскихъ ,
 Среди шолпы весельемъ оживленной ,
 При гулѣ шрунъ , въ безумномъ вальсѣ мча ,
 То Делію , шо Дафну , шо Лилешу ,
 И всѣмъ шроимъ гошовый , сгоряча ,

Произнесши по страшному объѣму;
 Касаяся душистыхъ ихъ кудрей
 Лицомъ монмъ ; объема жадной данью
 Ихъ спройный спанъ ; шакъ ! въ памяти моей
 Ужь не было подруги прежнихъ дней ,
 И преданъ былъ я новому мечпанью !
 Но къ нимъ ли я любовію пылалъ ?
 Нѣтъ, милая ! когда въ уединенн
 Себя попомъ я шихо повѣрлялъ :
 Ихъ находя въ моемъ воображенн,
 Тебя одну я въ сердце обрѣшалъ !
 Привѣтливыхъ, послушныхъ безъ ужимокъ,
 Улыбчивыхъ для шалости молодой ,
 Изъ-за угла Пафосскихъ пилигримокъ
 Я спорожилъ вечернею порой ;
 На мигъ одинъ ихъ своевольный пѣвникъ,
 Я шолько былъ шалунь, а не измѣнникъ.
 Нѣтъ ! болѣе надменна , чѣмъ нѣжна ,
 Ты все еще обидъ своихъ полна....
 Проси-жь на вѣкъ ! но знай, что двухъ виновныхъ,
 Не одного, найдушся имена
 Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ.

LXXIII.

Ты ропщешь, важный журналистъ,
На наше модное маранье :
Вся ша же пѣсня : « вѣтра свисшь ,
Лисовъ древесныхъ увяданье »
Поняшно намъ швое спраданье :
И безъ того освисханъ шы ,
И шакъ подваловъ досшоянье ,
Родась гниюшь швон лисшы .

LXXIV.

ДЕЛЬВИГУ.

Дай руку мнѣ , товарищъ добрый мой ,
 Пушемъ однимъ пойдемъ до двери гроба
 И щепно намъ за грозною бѣдой
 Бѣду грознѣйшю пошлетъ судьбины злота.
 Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
 Впервые ты узналъ мой уголокъ ?
 Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
 Боролся я, почти лишанный силъ ?
 Я погибалъ : ты духъ мой оживилъ
 Надеждою возвышенной и новой:
 Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;
 Дѣля досугъ межъ ими и шобою ,
 Я-ль чувствовалъ ея свинцовый гръ
 И передъ ней унился душою ?

Ты самъ порой глубокою печаль
 Въ душѣ носилъ , но что ? не мнѣ ли ввѣришь
 Спѣшнѣе ея ? И дружба не всегда-ль
 Хошь нѣсколько могла ея умѣришь ?
 Забытые форшурою слѣпой ,
 Мы ей на зло другъ въ другъ все имѣли
 И дружества швердя обѣщъ свяшой,
 Безшрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.

О ! вѣрь мнѣ въ шомъ : чѣмъ жребій ни грозишь,
 Упоршвуя въ шаринной неприязни,
 Душа моя не вѣдаешь боязни,
 Души моей ничшо не измѣнишь !
 Такъ , милой другъ ! позволяешь ли мнѣ боги
 Ярмо заботъ сложишь когда нибудь
 И весело на свѣшлый мѣръ взглянушь ,
 По прежнему-ль ко мнѣ пребудушь спроги ,
 Всегда я швой. Судьей души моей
 Ты долженъ бышь и въ ведро и въ ненасшье,
 Удвоишь шы моихъ счастливыхъ дней,
 Не полное безъ раздѣленья счастье ;
 Въ дни бѣдшвія я знаю, гдѣ найши
 Учасіе въ судьбѣ своей шяжелой :
 Чего-жь робѣшь на жизненномъ пути ?
 Иду впередъ съ надеждою веселой.

Еще позволь желаніе одно
Мнѣ пронзнесшь : молюся я судьбинѣ,
Чшобъ для тебя я спалъ хопя опшынѣ,
Чѣмъ для меня ты спалъ уже давно.

LXXV.

Мы пьемъ въ любви ошраву сладкую;
 Но все ошраву пьемъ мы въ ней,
 И плашимъ мы за радосшь крашкую
 Ей безвесельемъ долгихъ дней.
 Огонь любви, огонь живишельный!
 Всъ говоряшь ; но что мы зримъ ?
 Опустошаешь , разрушишельный ,
 Онъ душу объашую имъ!
 Кшо заглушишь воспоминанія
 О дняхъ блаженства и сшраданія,
 О чудныхъ дняхъ швопхъ, любовь ?
 Тогда я оживъ бы для радосши,
 Для сновъ злашыхъ цвѣшущей младосши,
 Тебъ ошкрылъ бы душу вновь.

LXXVI.

Пришелъ строгой, ты не правъ,
 Несправедливы толки зме :
 Друзья веселья и забавъ,
 Мы не повѣсы записные !
 По своеволю спросишь
 Себѣ мы правилъ не сагади,
 Но пылкой жизнью юныхъ дней,
 Пока дышалось, дышали;
 Любили шумные пиры ;
 Гостей веселыхъ той поры ,
 Забавы, шалости любили
 И за роскошные дары
 Младую жизнь благодарили.
 Во имя лучшихъ изъ боговъ,
 Во имя Вакха и Киприды,
 Мы пили счастье шалуновъ ,
 Сердечно презря крикуновъ
 И ихъ ревнивыя обиды.

Мы пѣли счастье дней молодыхъ,
 Межъ тѣмъ дѣшья наша младость:
 Порой задумывалась радость
 Въ кругу поклонниковъ своихъ;
 Въ душѣ больной ошъ пищи многой,
 Въ душѣ усналой пламень гасъ,
 И за спаканомъ, въ добый часъ
 Засналь насъ какъ-шо опышъ спрогой.
 Наперсницъ нашихъ, спрасшныхъ дѣвъ
 Мы поцѣлуи позабыли,
 И предъ суровымъ оробѣвъ,
 Ушѣхи крылья опустили.
 Съ шѣхъ поръ, любезный, не поемъ
 Мы безразсудныя забавы,
 Смиренно дни свои ведемъ
 И ждемъ ошъ свѣша доброй славы.
 Теперь вопросъ я ошдаю
 Тебѣ на судъ. Подумай, мы ли
 Перемѣнили жизнь свою,
 Иль годы насъ перемѣнили ?

LXXVII.

К. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Изъ царства вѣсна и зима,
Гдѣ подъ управой ихъ двойкой,
И атмосфери и умы
Сжимаешь холодъ одинакой,
Гдѣ жизнь какой-шо шажкой сонъ,
Она спѣшишь на Югъ прекрасной,
Подъ Авзонійской небосклонъ
Одушевленной, сладоспращной,
Гдѣ въ кущахъ, въ поршикахъ палаашъ
Окшавы Тассовы звучашъ ;
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
Рафаель дышешъ на холстѣ ;
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,

Но гдѣ не спыдно, можешь бышь,
 Герои, міра властелины,
 Вашъ капишоліѣ позабышь
 Для капишолія Корины ;
 Гдѣ жизнь? игрива и легка,
 Тамъ лучше ей, чего же боль ?
 За чѣмъ же шажкая шоска
 Сжимаешь сердце по неволѣ ?
 Когда любимая краса
 Послѣднимъ сномъ смыкаешь вѣжды,
 Мы полны ласковой надежды,
 Чшо ей ошкрышы небеса,
 Чшо лучшей мірь ей угошованъ,
 Чшо славой вѣчною свѣшло
 Тамъ заблещишь ея чело ;
 Но скорбный духъ не уврачованъ,
 Душѣ спѣсенной шажело,
 И неушѣшно мы рыдаемъ.
 Такъ, сердца нашего кумиръ,
 Ее печально провожаемъ
 Мы въ лучшей край и лучшей мірь.

LXXVIII.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
 Но упоишильныхъ похвалъ :
 Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
 Сномъ разслабленья заеыпаль.

Когда довѣрясь ихъ взмѣнѣ,
 Уже гошовъ у моды шы
 Взяшь на вѣнокъ своей Камень
 Ея шафьяныя цвѣшы ;

Просши : я громко негодую ;
 Просши, насшавникъ и пророкъ ,
 Я съ укоризной указую
 Тебѣ на лавровый вѣнокъ.

Когда по ребрамъ крѣпко стиснушь
 Пегась удалымъ сѣдокомъ,
 Не горе, сжели прихлыснушь
 Его крижническимъ хлышомъ.

LXXIX.

Тебѣ я младосшь шаловливу,
О сынъ Венеры! посвящилъ;
Меня ты плохо наградилъ,
Даль мало сердцу на разживу!
Подобно мнѣ любилъ ли кто?
И что-жь я вспомню не поскуя?
Два, три, четыре поцѣлуя!...
Бышь такъ; спасибо и за шо.

СХХХ.

Поэшь Писцовъ въ стихахъ шажеловашъ ,
Но я люблю незлобнаго собраша :
Ей , ей ! не онъ предъ свѣтомъ виновашъ ,
А передъ нимъ природа виноваша .

LXXXI.

Чѣмъ очаровывашь сердца ,
 Чѣмъ возбуждашь рукоплесканья,
 Я слышалъ, будшо для пѣвца
 Всего нужнѣе дарованья.
 Пушей къ Париссу много есть:
 Зѣвошу можно произвешь
 Поэмой длинной, громкой одой,
 И вѣкъ того не приобрѣшъ,
 Чего намъ не дано природой.

Когда шарикъ Анакреонъ,
 Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
 Веселый пѣлъ амфоровъ звонъ
 И сердцу памятные взгляды:
 Въ слѣдъ за толпой молодыхъ забавъ,
 Богини пѣсней, миновавъ
 Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Элады,

Ему внимають изъ-подшишка
 Съ вершины Пинда поспѣшали
 И балагура старика
 Вънкомъ безсмершья увѣнчали.

Такъ своеобразно Аполлонъ
 Намъ раздаешь свои награды;
 Другому богу Геликонъ
 Ошдашь хошѣлось-бы съ досады!
 Напрасно до пошу лица
 О славъ Фофановъ хлопочешъ:
 Ему ошказанъ даръ пѣвца,
 Трудишся онъ, а Фебъ хохочешъ.
 Межь шѣмъ даря веселью дни,
 Едва ли Башюшковъ, Парни
 О прихошавной вспоминали,
 И что-жь? нечаянно они
 Ее въ Цишеръ повстрѣчали.

Плѣненъ ли Хлоей, Дафной шы,
 Возми Тибуллову цѣвницу,
 Воспой побѣды красоты,
 Воспой души своей царицу;
 Когда же любишь шукъ мечей,

Съ высокой музою Омира
Пускай поешь вражды царей
Твоя воинственная лира.
Равны всѣ музы красошой ;
Несходство ихъ въ одной одеждѣ:
Сшарайся нравиться любой,
Но помолися Фебу прежде.

LXXXII.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

Не искушай меня безъ нужды
 Возвращомъ нѣжності швоей :
 Разочарованному чужды
 Всѣ обольщенія прежнихъ дней !
 Ужь я не вѣрю увѣреньямъ ,
 Ужь я не вѣрую въ любовь,
 И не могу предашься вновь
 Разъ измѣнившимъ свидѣньямъ !
 Слѣпой шоски моей не множь ,
 Не заводи о прежнемъ слова ,
 И другъ заботливый, больнова
 Въ его дремошѣ не шревожь !

И сплю, мнѣ сладко усмирение :

Забудь бывалыя мечшы :

Въ душѣ моеѣ одно волнение ,

А не любовь пробудишь ты.

LXXXIII.

А. А. Ф... Ой.

Вы дочь Евы как другая :
 Какъ передъ зеркаломъ своимъ
 Власы роскошныя всеневно убиралъ ,
 Ихъ блескомъ шелковымъ любясь передъ нимъ ,
 Любясь ясными очами ,
 Обворожительнымъ лицомъ
 Блещущей Граціи , предъ вами
 Живописуемой услужливый спешкомъ ,
 Вы угадашь могли свое предозначенье ?
 Какъ вмѣсто женской суеши ,
 Въ душѣ довольной красоты
 Зашрепетало вдохновенье ?
 Прекрасный , дивный мигъ ! возликовалъ Парнасъ :
 Харити какъ сестру Камени окружили ,

Опъ міра мелочей вы взоры отшрашили :

Открылся новый міръ для васъ.

Сей міръ свободнаго мечшанья ,

Въ который ходишь лишь поэтъ ;

Гдѣ исполненіе находишь всѣ желанья ,

Гдѣ сладки самыя шраданья

И гдѣ обмановъ сердцу нѣтъ.

Мы встрѣшились въ немъ. Блеснящими снпхамн

Вы обольстншельно прнвѣщнли меня.

Я знаю цѣну нмъ. Дарована судьбами

Мнѣ искра вашего огня.

Забуду-ли я васъ ? забуду-ль ваши звуки ?

Въ душѣ признательной ошозвались они.

Пусть бездну между насъ раскроешь духъ разлуки ,

Пускай летяишь за днями дни :

Пребудешь не разлучна съ вами

Моя сердечная мечша,

Пока пѣвняюся я лирными струнами,

Покуда радуешь мнѣ душу красоша.

LXXXIV.

Живи смѣлѣй, товарищъ мой ,
 Разнообразь досугъ шушливой !
 Люби, мечшай , пируй и пой ,
 Пренебреги молвы болшавной
 И порицаньемъ и хвалою !
 О, какъ безумна жажда славы !
 Равно исчезнушь въ безднѣ лѣтъ ,
 И годы шумные побѣдъ,
 И мигъ незнаемый забавы !
 Всѣхъ смершныхъ ждетъ судьба одна :
 Всѣхъ чередомъ поглотитъ Леша,
 И философа болтуна,
 И длинноусова корнеша,
 И въ молдаванкѣ шадуна
 И въ рубищѣ Анахорета.
 Познай-же цѣну срочныхъ дней,
 Лови пролетное мгновенье !

Изчезнешь жизни сновидѣнье :
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй.
Будь друженъ съ Музою моею,
Осшавимъ мудрость мудрецамъ;
На что чинишься съ жизнью намъ ,
Когда шушишь мы можемъ съ нею ?

LXXXV.

Не прогайше Парнаскаго пера,
Не прогайше, пригожія воспрушки !
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И нмъ Амуръ другія дадь игрушки.
Любовь-ли вамъ осшавишь въ забыньи
Для жалкихъ рифмъ ? Надъ рифмами смѣюшся,
Уносяшь ихъ Лешійскія спруи :
На пальчикахъ чернила осшавюшся.

ЛХХХVІ.**СТАРИКЪ.**

Вънчали розы , розы Леля ,
Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ молодой :
Я былъ счастливый пусшомеля
И дѣвамъ нравился порой.
Я помню ласки нхъ живыя ,
Лобзанья полныя огня
Но пролетѣли дни молодые;
Онъ не смощряеть на меня !
Какъ бышь ? У яркаго каминна
Въ укромной хижинѣ моей ,
Накрою шоль , пошпаблю вина
И соберу моихъ друзей.

Пускай вѣнокъ, сплешенный Лелемъ,

Не обновится никогда:

Года увѣчаные хмѣлемъ,

Еще прекрасные года.

LXXXVII.

Хвала, масшишый нашъ Зонь!
 Когда-шо Дмишрiевъ бѣсилъ
 Тебя счастливыми спнхамъ,
 Бѣсилъ Жуковскій вслѣдъ за нимъ,
 Вошъ Пушкинъ бѣсншь. Какъ любимъ,
 Какъ ошлнченъ шы небесамъ!
 Три поколѣнiя пѣвцовъ
 Тебя красой своихъ вѣнцовъ.
 Въ негодованье приводили:
 Пекись о здравiи своемъ,
 Чшобы подобно первымъ премъ
 Другiе при тебѣ бѣсили.

LXXXVIII.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАФАРУ.

Свободу давь поскѣ моей,
Уединенный, я недавно
О наслажденьяхъ прежнихъ дней
Жалѣль и плакаль своеобразно.
Все обмануло, думаль я,
Чѣмъ сердце пламенное жило,
Чшо восхищало, чшо томилло,
Чшо было цвѣшомъ бышійя!
Наспавленъ истиной угрюмой,
Отнынѣ съ праздною душой,
Живыхъ восторговъ легкой рой
Я замѣню холодною думой
И сердца мершвой тишиной!
Тогда съ улыбкою коварной

Предсталъ внезапно Купидонъ.
О чемъ вздыхаешь , молвилъ онъ ,
О чемъ грустишь , неблагодарной ?
Забудь печальныя мечты :
Я вѣчно юнъ , и я съ шобою !
Воскреснушь сердцемъ можешь ты ;
Не вѣришь мнѣ ? взгляни на Хлою !

LXXXIX.

Я безразсуденъ—и не диво !
 Но разсудилеленъ-ли ты,
 Всегда преслѣдуя ревниво
 Мои любимыя мечты ?
 « Не для нее прямое чувство :
 « Одно коварное искусство
 « Я вижу въ Делін швоей ;
 « Не вѣрь прелестницѣ лукавой !
 « Самолюбивою забавой
 « Твои восшорги служашь ей.»
 Не обнаружу я досады,
 И пронцашельность швоя
 Хвалы достойна, вѣрю я ;
 Но не находишь въ ней ошрады
 Душа смѣшенная моя.

Я вспоминаю голосъ нѣжный
 Шалуни ласковой моей,

Ръчей ошкрытыхъ складъ небрежный,
 Огонь ланпшъ, огонь очей;
 Я вспоминаю день разлуки,
 Последний, долгій разговоръ,
 И полный нѣги, полный муки,
 На мнѣ поконившійся взоръ;
 Я перечпываю строки,
 Гдѣ, увлеченія полна,
 Въ любви счастливые уроки
 Мнѣ самому даетъ она,
 И говорю въ шокѣ глубокой:
 «Уже-ль обманушь я жестокой?
 «Или все, все въ безумномъ снѣ
 «Безумно чудилось мнѣ?
 «О, спрашно мнѣ разувренье,
 «И объ одномъ мольба моя:
 «Да вѣчнымъ будешь заблужденье,
 «Да вѣкъ безумцемъ буду я»...

Когда же съ вѣрою напрасной
 Взываю я къ судьбѣ глухой,
 И вскорѣ опышь роковой
 Очамъ досшавишь свѣшь ужасной,
 Пойду я спранныкомъ тогда

На край земли, шуда, шуда,
Гдѣ вѣчный холодъ обихаетъ,
Гдѣ по неволѣ сшынешь кровь,
Гдѣ, можешь бышь, сама любовь
Въ озябломъ сердцѣ пошухаетъ....
Иль нѣтъ: подумавши пушемъ,
Останусь я въ углу своемъ,
Скажу вздохнувъ : « Горюнь неловкой !
Грусть протодушная смѣшна;
Не лучше-ль плушомъ бышь съ плушовкой ,
Шушишь любовью, какъ она ?
Я объ обманщицѣ шоскую:
Какъ здоровымъ смысломъ я убогъ !
Уже-ль обманщицу другую
Мнѣ не пошлешь въ отпращу Богъ ?

ΣС.

Д. ДАВЫДОВУ.

Пока съ восторгомъ я внимаю
Повѣшвованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ Музъ не охладѣлъ,
Покуда Русскій я душою,
Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
Когда пріяшельской рукою
Пожаль Давыдовъ руку мнѣ !
О пы, кошорый въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчаль
И гласомъ пылкихъ пѣсноуѣннй
Сердца шомилъ и волноваль !
Такъ , шакъ ! покуда сердце живо
И шрепешать ему не лѣнь,

Въ воспоминаанья, горделиво
Хранишь я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ шомъ лирой Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народъ славной бородой!

XCI.

Твой дѣшскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
 Но не желай моихъ стиховъ :
 Не многимъ избраннымъ понятенъ
 Языкъ поэщовъ и боговъ.
 Когда подь звонкіе напѣвы ,
 Подь звукъ свирѣли плясовой,
 Среди полей, рука съ рукой,
 Кружашся юноши и дѣвы,
 Выѣшавшись въ рѣзвый хороводъ
 Харисы, въшренній Эрошъ,
 Дріады, Фавны пляшущь съ ними
 И гоняшъ прочь шолпу забошъ
 Воскликиовеньями своими,
 Поодаль Музы между шѣмъ
 Таяся въ сумракѣ дубравы,
 Глядяшъ незримыя никѣмъ,
 На ихъ невинныя забавы;
 Но ихъ соборъ въ шо время нѣмъ.

Пѣвцу-ли вѣтренно безславнѣ
Плоды возвышенныхъ трудовъ,
И легкомысліе забавнѣ
Игрою гордою стиховъ?
И шѣй не рѣдко, чѣе возрѣнѣе
Даруешь лирѣ вдохновенѣе,
Не повѣряешь онъ его:
Поешь одинъ, подобныйъ въ эшомъ
Пчелѣ, кошорая со цвѣшомъ
Не дѣлишь меда своего.

XСII.

Взглянише: свѣжестью молодой,
И въ осень дѣшь она плѣмлетъ ,
И у нея, лешунъ сѣдой,
Лавишныхъ розъ не похищаетъ ;
Самъ побѣжденный красошой,
Гладишь—и пушь не продолжаешь !

XСIII.

Пришворной нѣжности не шребуи опъ меня :
 Я сердца моего не скрою кладъ печальной.
 Ты права , въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
 Моей любви первоначальной.
 Напрасно я себѣ на память приводилъ
 И милый образъ швой, и прежнія мечшанья :
 Безжизненны мои воспоминанья ,
 Я кляшвы даль, но даль ихъ выше силъ.

 Я не плѣненъ красавицей другою,
 Мечты ревнивыя опъ сердца удали ;
 Но годы долги въ разлукъ прошекли,
 Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
 Ужъ ты жила невѣрной шънюю въ ней ;
 Уже къ тебѣ взывалъ я рѣдко, принужденно,
 И пламень мой, слабѣя пошепенно,
 Собою самъ погасъ въ душѣ моей.

Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ ,
 Но я любишь не буду вновь ;
 Вновь не забудусь я : вполне упоеваешь
 Насъ только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
 Судьбины полную побѣду надо мной :
 Кто знаешь ? мнѣнїемъ солюся я съ толпой ;
 Подругу, безъ любви, кто знаешь ? изберу я.
 На бракъ обдуманнѣй я руку ей подамъ
 И въ храмъ спану рядомъ съ нею
 Невинной, преданной бышь можешь лучшимъ снамъ,
 И назову ее моею ,
 И вѣспь къ тебѣ придешь; но не завидуѣ намъ :
 Обмѣна шайныхъ думъ не будешь между нами ,
 Душевному прихошамъ мы воли не дадимъ :
 Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,
 Мы жребїи свои соединимъ.

Прощай. Мы долго шли дорогою одною :
 Пушь новый я избралъ , пушь новый избери ;
 Печаль безплодную разсудкомъ усмирѣ
 И не всшупай, мою, въ напрасный судъ со мною.

Невластны мы въ самихъ себѣ,
И, въ молодя наши лѣшны,
Даемъ поспѣшныя обѣшны,
Смѣшныя можешъ бышь всевидящей судьбѣ.

XCV.

АВРОРЪ Ш.

Выдь, дохни намъ упоємъ ,
Соименица заря;
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари !
Цылкѣй юноша не сводишь
Взоръ съ милой, и порой
Мыслишь, съ шихою шоской:
« Для кого она выводишь
Солнце счастья за собой? »

XCV.

Чудный градъ порой сольется
Изъ лешучихъ облаковъ ;
Но лишь въспрь его коснешся,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ :
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечтны
Исчезающъ ошъ дыханья
Посторонней суеты.

XCVI.

Я не любилъ ее , я зналъ,
 Чшо не она поймешь поѣша,
 Чшо на языкъ души, душа въ ней безъ ошеѣша:
 Чего-жь безумецъ въ ней искалъ ?
 За чѣмъ стихи мои звучали
 Ея восшорженной хвалою,
 И малодушно возвѣщали
 Ея владычествю и плѣнь посшудный мой ?
 За чѣмъ ввѣрля я съ умиленьемъ
 Ей всѣ мечшы души моей ?...
 Туманъ упалъ съ моихъ очей:
 Ее бѣгу я съ ошвращеньемъ !
 Такъ, омраченные виномъ,
 Мы недосшойному порою
 Жмемъ руку дружеской рукою,
 Привѣщшвуемъ его съ ослабленнымъ лицомъ ,
 Краснорѣчию изливаетъ
 Всѣ думы сердца передъ нимъ;

Ошибки темное сознание хранимъ ;
Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
 Умомъ взволнованнымъ своимъ :
Очнувшись , странному забвенію дивимся ,
И незаконнаго наперсника стыдимся ,
И ошь прошивнаго лица его бѣжимъ .

XCVII.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Подъ бурю судьбы, унылый, часто я
 Скучая тягостной неволей бышя,
 Несши ярмо мое упрячывая силу,
 Гляжу съ опрадою на близкую могилу,
 Привѣщившую ее, покой ея люблю
 И цѣпи опряхнушь я самъ себя молю.
 Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыша
 И томной слабости душа моя открыша:
 Сстрашиа могла мнѣ; и ближніе, друзья;
 Мое грядущее и молодость моя
 И общанія въ груди сокрышой музы,
 Все обольстительно скрѣпляешь жизни узъ
 И далеко ищю, какъ жребій мой ни спрогъ,
 Я жишь и бѣдствовашь услужливый предлогъ.

XCVIII.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
 Въ безмолвіи nocturno
 Горитъ, блестящъ кругомъ луны,
 На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ
 Милѣ всѣхъ одна !
 За что-же? ранѣ всаешь,
 Ярчѣй горитъ она ?

Нѣтъ ! утѣшаешь свѣтъ ея
 Разсѣвшихся друзей :
 Ихъ взоры, въ синей вышинѣ ,
 Встрѣчаются на ней.

Она на небѣ чуть видна ;
 Но съ думою глядишь,

Но взору плещь ошвѣщенный взоръ,
И нѣжношью горяшь.

Съ нее въ лазоревую ночь
Не сводимъ мы очесь,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесь.

Себѣ звѣзду избралъ-ли ты?
Въ безмолвіи nocturno,
Ихъ много блещешь и горяшь
На небѣ голубомъ.

Не первой всшавшей сердце вѣрь,
И, суешный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови.

Ту назови своей звѣздой,
Чшо съ думою глядишь,
И взору плещь ошвѣщенный взоръ,
И нѣжношью горяшь.

XСІХ.

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи шамншвенная власть
Тяжелое искупишь заблужденье
И укротишь буншующую снрасть.
Душа пѣвца, согласно изншная,
Разрѣшена отъ вѣхъ своихъ скорбей;
И чншному , поэзія свншая,
И мнрь ошдасшь причаснннцѣ своей.

G.

Пора покинуть, милый другъ,
 Знамена въспренней Киприды
 И неизбежныя обиды
 Предупредишь пока досугъ.
 Чьихъ ожидаешь увѣщаній!
 Мы лишены старинныхъ правъ
 На своеволие забавъ,
 На своеволие желаній.
 Ужь оплешаешь вѣкъ молодой,
 Ужь сердце опышнѣе спало:
 Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
 Намъ изсупленье не приспало!
 Оставимъ юнымъ шалунамъ
 Слѣпую жажду сладоспращья;
 Не упоенія, а счастья
 Ищашь для сердца должно намъ.
 Пресыщась буйнымъ наслажденьемъ,
 Пресыщась ласками Цирцей,

Шепчу я часто съ умиленьемъ ,
 Въ шокѣ задумчивой моей :
 Нельзя-ль найдши подруги нѣжной ,
 Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши ,
 Предаться нѣгѣ безмятежной
 И чистымъ радостямъ души ;
 Въ чье неизмѣнное участие
 Безпечно вѣровалъ-бы я ,
 Случится-ль ведро или ненастье
 На перепутьѣ бышій ?
 Гдѣ-жь обреченная судьбою ?
 На чьей груди я успокою
 Свою усталую главу ?
 Или съ волненьемъ и шокскою
 Ее напрасно я зову ?
 Или въ печали одинокой
 Я проведу остатокъ дней ,
 И свѣтъ свѣтъ ея очей
 Не озаритъ ихъ тьмы глубокой ,
 Не озаритъ души моей !

СІ.

Не подражай : своеобразень геній
И собшвеннымъ величіемъ великъ ;
Дорашовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ ,
Досадень ты : не любяшь повшореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ :
Да не шворишь себѣ кумира онъ !
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный ,
Я заспаю у Байроновыхъ ногъ ,
Я думаю : поклонникъ униженный !
Возспань, возспань и вспомни : самъ ты богъ !

СII.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
 Другой спрадаешъ на престолѣ;
 На высотѣ земныхъ судьбинъ,
 И въ незамѣшной, низкой долѣ,
 Всѣхъ благъ возможныхъ пошъ доспигъ,
 Кшо духъ судьбы своей поспигъ.

Мы всѣ блаженствуемъ равно,
 Но всѣ блаженствуемъ различно;
 Удѣломъ нашимъ рѣшено,
 Какъ наслаждашся имъ прилично,
 И кшо намъ лучшей даѣ совѣшь,
 Иль Эпикуръ, или Эпиктеть?

Меня тягчили печалей грузъ;
 Но не упалъ я передъ рокомъ,
 Нашель оспраду въ пѣсняхъ музъ
 И въ равнодушїи высокомъ,

И свѣшомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородить я умѣлъ.

Хвала вамъ, боги! предо мной
Вы оправдалися опшывѣ!
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ,
И никогда сей лпы гласъ
Не оскорбитъ ропшаньемъ васъ!

СМ.

Повѣрь, мой милый другъ , спрдаанье нужно намъ ,
 Не испытавъ его , не лзя понять и счастья :

Живой испочникъ сладоспастья

Дарованъ въ немъ его сынамъ.

Однѣ-ли радости оспрады и предесныи ?

Одно-ль веселье веселятъ ?

Бездѣйшвенность души счастливцевъ пгагошишь ;

Имъ силы жизни неизвѣсны.

Не намъ завидовать лѣннвымъ чувствамъ ихъ :

Что въ дружбѣ въспренной, въ любви однообразной

И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ

Души разсѣянной и празднои ?

Счастливицы мнимые , способны-ль вы понять

Участья нѣжнаго сердечную услугу ?

Способны-ль чувствовашь , какъ сладко повѣряшь

Печаль души своей внимательному другу ?

Способны-ль чувствовашь , какъ дорогъ, вѣрный другъ ?

Но кто постигнушь рокомъ гнѣвнымъ ,

Чью душу шагонишь мучительный недугъ ,
 Тошь дорожишь врачемъ душевнымъ.
 Чшо, чшо даешь любовь веселымъ шалунамъ ?
 Забаву легкую, минушное забвенье ;
 Въ ней благо лучшее дано богами намъ
 И нуждъ живѣйшихъ утоленье !
 Какъ будешь сладко , милый мой ,
 Повѣришь цѣлности чувствительной подруги,
 Скажу-ль ? всѣ раны , всѣ недуги ,
 Все расслабленіе души твоей больной ;
 Забывъ и свѣшь и рокъ суровой ,
 Желанья смущенныя въ одно желанье слишь
 И на устахъ ея, въ ея дыханьи пишь
 Цѣлебный воздухъ жизни новой !
 Хвала всевидящимъ богамъ !
 Пусть мнимымъ счастьемъ для свѣща мы убоги ,
 Счастливыцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
 Имъ дали чувствительность, а чувство дали намъ.

GIV.

На звукъ цѣвицы голосистой ,
 Толпой забавъ окружена ,
 Лешись прекрасная весна ;
 Благоухаетъ воздухъ чистой ,
 Земля воздвиглась ото сна .

Ушихли выюги и мятели ,
 Текушь пошоками снѣга ;
 Овяшь въ горахъ шрубяшь рога ,
 Опяшь зефиры налепъли
 На обновленные дуга .

Надъ урной мшистою Няда
 Проснулась въ сумракъ вѣшвей ,
 Спрясаетъ иней съ кудрей ,
 И разломавъ оковы хлада ,
 Заговоришь ея ручей .

Восторги духъ мой пробудили!
 Звучать и блещушь небеса;
 Пѣвцовъ пернашыхъ голоса,
 Пасушья пѣсни огласили
 Долины; горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
 Лишь ты въ печаль облечена,
 Весны не празднуешь одна!
 Тобою младости измѣна
 Еще судьбѣ не прощена!

Унынье въ грудь къ тебѣ шѣснися,
 Не видишь ты красы луговъ.
 О если-бъ щедростью боговъ
 Могла ко смершнымъ возвратишься
 Пора любви съ порой цвѣшовъ!

GV.

Не ослѣпленъ я музою моею :
Красавицей ея не назовушь
И юноши узрѣвъ ея , за нею
Влюбленною шолпой не побѣгутъ.
Приманивашъ изысканнымъ уборомъ ,
Игрою глазъ , блестящимъ разговоромъ ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ ,
Ея рѣчей спокойной простотою ;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдимъ осужденемъ,
Ея почишь небрежной похвалою.

CVI.

ЧЕРЕПЪ.

Усопшій братъ ! кто сонъ швой возмутилъ ?
 Кто пренебрегъ свяшынею могильной ?
 Въ разрышый домъ къ тебѣ я нисходилъ ,
 Я въ руки бралъ швой черепъ желшый, пыльной !

Еще носилъ волосъ осшашки онъ ;
 Я зрѣлъ на немъ ходъ посщепенный шавня :
 Ужасный видъ ! какъ сильно пораженъ
 Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья !

Со мной шолла безумцевъ молодыхъ
 Надъ ямою безумно хохошала :
 Когда-бъ шогда, когда-бъ въ рукахъ монхъ
 Глава швоя вшезапно провѣщала !

Когда-бъ она цвѣшущимъ, пылкимъ намъ
 И каждый часъ грознымъ смертнымъ часомъ,
 Всѣ истины извѣсныя гробамъ
 Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Спокращно благъ законъ,
 Молчаньемъ ей уста запечатавшій;
 Обычай правъ, усопшихъ важной сонъ
 Намъ почиашъ издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно шлѣй мершвецъ!
 Всесильнаго ничтожное созданье,
 О человекъ! увѣрся наконецъ!
 Не для себя, ни мудросшь, ни всезнанье!

Намъ надобны и спраси и мечпы,
 Въ нихъ бышія условіе и пища:
 Не подчинишь однимъ законамъ шы
 И свѣша шумъ и пишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушишь
 И ошь гробовъ ошвѣша не получишь:
 Пусшь радости живущимъ жизнь даришь,
 А смершь сама ихъ умерешъ научишь.

СVII.

О мысль ! тебѣ удѣль цвѣшка:
Онъ свѣжій манишь мошылка,
Прельщаешь пчелку золошую,
Къ нему съ любовью мошка льнешь
И шрекоза его поешь ;
Упратилъ прелесть молодую
И чередой сѣвоей поблекъ —
Гдѣ пчелка, мошка, мошылекъ?
Забышь онъ роеть ихъ лешучнѣмъ,
И никому въ немъ нужды нѣтъ ;
А шушь, зерномъ своимъ падучнѣмъ,
Онъ зарождаетъ новый цвѣшь.

CVIII.

Судьбой наложенныя цѣпи
 Упали съ рукъ моихъ и вновь
 Я вижу васъ, родныя сшепи,
 Моя начальная любовь.

Шепнова неба сводъ желанной,
 Шепнова воздуха струн,
 На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
 Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣшь было слаще
 Лѣсъ на покатиѣ двухъ холмовъ
 И скромный домъ въ садовой чащѣ. —
 Пріютишь младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, златое время!
 Съ пѣсъ поръ по свѣшу я бродилъ

И наблюдавъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылокое шрменье
Ошь неба было мнѣ дано;
Но обрѣло-ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно? . . .

Я брашьевъ зналъ; но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече страншвуюшь нине
И въ мѣръ нѣшь уже другихъ.

Я швой, родимая дуброва!
Но ошь насильшвенныхъ судьбинъ
Молишь хранишельнаго крова,
Къ шебѣ пришелъ я не одинъ.

Привель подь сѣнь швою свяшую
Я соучасшницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцомъ шихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней милой, бышь мой ушая,

Другихъ урочищѣй вселенной
Не буду помнить бышія.

Пускай о свѣшѣ не шоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

СІХ.

Есть грошъ: Наяда шамъ въ поддневныя часы
Дремотъ предасть успадья красы ,
И часто вижу я, какъ нимфа молодая,
На ложѣ лисшвенномъ покоишся нагая ,
На руку бѣлую, подъ говоръ ключевой ,
Склоняся челомъ вѣнчаннымъ осокой.

СХІІ.

МАДОНА.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлось жилья на холмѣи кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней шарушка.

Съ разсвѣта до ночи за шяжкнѣмъ прудомъ,
А все таки голодь имъ часно знакомъ.

И дочка порою душой унывала ;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

Не плачь, не крушися ты, солнце мое !
Тогда ушѣшала шарушка ее.

Не плачь, переѣнишься доля крушая :
 Придешь къ намъ на помощь Мадона свяшая.

Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпишь:
 Смощри, какъ привѣтно съ холста онъ глядишь!

Старушка смиренная съ рѣчью шакою,
 Бывало крестилась дрожащей рукою.

И съ шеплою вѣрою въ сердцѣ просномъ,
 Она съ умиленнымъ и крошкѣмъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
 Чшо уголь въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ шѣснишь,
 Дочь плачетъ, старушка свое говоришь.

Съ утра по руннамъ бродилъ любопышный :
 Забылся красѣ ихъ дивясь ненасышный.

Кровь нуженъ ему ошь полдневныхъ лучей :
 Спущишься къ старушкѣ и входишь онъ къ ней.

На лавку сядилъ пришлецъ ушомленный;
Но вспрынулъ, каршиною вдругъ пораженный.

« Божественный образъ ! чья кисть эшо , чья ?
О, какъ не узнашь мнѣ ! Корреджіѣ, швоя !

И въ хижинѣ эшой шворенье шанся ,
Кошорымъ и Царской дворець возгордился !

Спарушка, продай мнѣ каршину свою,
Тебѣ за нее я сто піаспровъ даю. »

— Синьоръ , я бѣдна , но душой не шоргую ;
Продашь не могу я икону свяшую. —

« Я двѣсти даю , согласися продашь. »
— Синьоръ , Синьоръ ! бѣдношь грѣшно искушашь.

Упрямшва не могъ побѣдншь онъ въ спарушкѣ :
Осталась каршина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ пошомъ по Ишаліи всей
Лешучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ шарушкѣ моеѣ гощь за гощемъ спущишся
И, дверь отворяя, шарушка дивишся.

За входъ она маую плашу берешъ
И съ дочкой своею безбѣдно живешъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона свяшая.

СХІІІ.

О, вѣрь : ты нѣжная дорожке славы мнѣ.
 Скажу-ль? мнѣ иногда докучно вдохновенье :
 Мѣшаетъ мнѣ его волненье
 Дышашъ любовью въ пишинѣ!
 Я сердце предаю сердечному союзу :
 Приди, мечты мои разсѣй,
 Ласкай, ласкай меня, о другъ души моея!
 И покори себѣ бунтующую музу.

СХІV.

Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ ,
Но я живу, и на земли мое
Кому нибудь любезно быше :
Его найдешь далекой мой попомокъ
Въ моихъ сѣнахъ : какъ знашь ? душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи ,
И какъ нашель я друга въ поколѣньи ,
Чѣшателя найду въ попомшвѣ я.

СХV.

Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ , средь эсихъ голыхъ скалъ
Я дни весны моеї опальной
Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ собою
Я самовольною мечшою
Скалы изгнанья оживилъ
И ихъ разсѣянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я :
Вошь гдѣ унымый я бродилъ ,
Гдѣ, на судьбину негодуя,
Я вѣру въ счастье ошложилъ.

XCVI.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бышіе ; но пмянемъ какимъ
 Его назвашь ? Ни сонъ оно , ни бдѣнье ;
 Межь нихъ оно и въ человѣкѣ имъ
 Съ безуміемъ граничишь разумѣнье.
 Онъ въ полношѣ понишья своего ,
 А между шѣмъ какъ волны на него
 Одинъ другихъ мяшежнѣй , своеправнѣй,
 Видѣнія бѣгушь со всѣхъ споронъ :
 Какъ будшо бы своей опщизны давней
 Спихійному смяшенью опданъ онъ ;
 Но иногда , мечшой воспламененнѣй ,
 Онъ видишь свѣшь другимъ не опкровеннѣй.

Созданье-ли болѣзненной мечшы,
 Или дерзкаго ума соображенье ,

Во глубинѣ полночной тьмы
 Представшее очамъ моимъ видѣнье ?
 Не вѣдаю; но предо мной тогда
 Разкрылися грядущіе года;
 Событія вспавали, развивались,
 Волнуясь подобно облакамъ
 И полными эпохами являлись
 Ошь времени до времени очамъ ,
 И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
 Последнюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
 Вездѣ искусствъ, обилія примѣты ;
 Близъ веси весь и подлѣ града градъ ,
 Вездѣ дворцы , пешеры , водомешы,
 Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
 Стихии всѣ признашь засшавилъ онъ :
 Ужь онъ морей мятежныя пучины
 На островахъ искусственныхъ селилъ ,
 Ужь разсѣкалъ небесныя равнины
 По прихоши имъ вымышленныхъ крмль;
 Все на землѣ движеніемъ дышало,
 Все на землѣ какъ будто диковало.

Исчезнули бесплодные года,
 Орашаи по волѣ призывали
 Вѣтра, дожди, жары и холода;
 И вѣрною спорицей воздавали
 Постывы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
 Во шмѣ лѣсовъ и въ высотѣ небесъ
 И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
 И царствовалъ повсюду свѣшлый мѣръ.
 Вошь, мыслилъ я прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
 Вошь разума великолѣпный пиръ!
 Врагамъ его и въ спыдѣ и въ поученье,
 Вошь до чего досшигло просвѣщенье!

Прошли вѣка. Яснѣшь очамъ моимъ
 Видѣніе другое начинало:
 Чшо человѣкъ? чшо вновь открышо имъ?
 Я гордо мнилъ, и чшо-же мнѣ предстало?
 Наснавшую эпоху я съ шрудомъ
 Постигнушь могъ смущившимся умомъ.
 Глаза мои людей не узнавали;
 Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
 На все они спокойные взирали,
 Чшо суешы рождало въ ихъ ошцахъ,

Что мысли ихъ, что страши ихъ бывало
Влеченіемъ всеильнымъ увлекало.

Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубова влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья
И въ полное владѣніе свое
Фаншазія взяла ихъ бышіе,
И умспивенной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ шрудомъ они спускали
И браки ихъ бесплодны пребывали.

Прошли вѣка, и лишь моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судябина.
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ
Послѣднія семейства изшлѣвали;
Въ развалинахъ сполли города,

По пажиямъ заглохнувшимъ блуждали
 Безъ пасшырей безумныя снада ;
 Съ людьми для нихъ изчезло пропшанье :
 Мнѣ слышалось ихъ гладное бѣянье.

И нишина глубокая во слѣдѣ
 Торжественно повсюду воцарилась ,
 И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
 Державная природа облачилась.
 Величественъ и грустенъ былъ позоръ
 Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
 По прежнему живошворя природу,
 На небосклонъ свѣшило дня взойшо ;
 Но на землѣ ничшо его возходу
 Произнести привѣта не могло :
 Одинъ шуманъ надъ ней синѣя вился
 И жершвою члспшшельной дымился.

СХVII.**К. А. СВЕРБЕЕВОЙ.**

Въ небѣ нашемъ исчезаешь
И красой своей горда ,
На другое восшекаешь
Переходная звѣзда ;
Но на вѣкъ ли съ ней просшишься ?
Нѣтъ , предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль ворошишься
На старинный небосклонъ.

Небо наше покидая
Ты-ли , милая звѣзда ,
Небесамъ другаго края
Передашься навсегда ?

Весела красой чудесной,
Пошеки въ желанный пушь;
Только странницей небесной
Ворошись когда нибудь !

СХVIII.

Слыхалъ я, добрые друзья,
 Чшо наши прады въ печали
 Бывало бѣса призывали:
 Имъ подражаю въ эшомъ я.
 Но не пугайшесь : подружился
 Я не съ прокляшымъ сашаной,
 Кому душою поклонился
 За деньги шарой Громобой ;
 Узнайше : ласковый бѣсенокъ
 Меня младенцемъ навѣщаль
 И колыбель мою качаль
 Подъ шопошъ легкихъ побасенокъ.
 Съ шѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
 Между мужами возмужаль,
 Но для него еще ребенокъ.
 Случишся-ль горе пль бѣда ,

Иль безошчешно иногда
 Сгруснется мнѣ въ моей кануркѣ, —
 Махну рукой : по шаринѣ
 На съромъ волкѣ, сивкѣ буркѣ
 Онъ мигомъ явишся ко мнѣ.
 Больному духу здравьемъ свиснешь ,
 Бобами думу разведешь,
 Живой водой веселье вспрыснешь,
 А горе мершвою залъешь.
 Когда въ задумчивомъ совѣшѣ
 Съ самимъ собой, изъ-за-угла
 Гляжу на свѣшъ и вида въ свѣшѣ
 Свободу глупости и зла,
 Добра и разума прижимку ,
 Насильемъ сверженный законъ ,
 Я слабымъ сердцемъ возмущёнъ ;
 Проворно шапку невидимку
 На шаръ земной наброситъ онъ ;
 Или, въ мгновение зеницы,
 Чудесный коврикъ самолеть
 Онъ подо мною развернешь
 И коврикъ шощъ въ сады жаръ-пшицы,
 Въ чершого дивной царь-дѣвицы
 Меня по воздуху несеть.

Прощай владѣнье грустной были
Меня смущавшее досель :
Я ошь швоей бездушной пыли
Уже за придевяшь земель.

СХVIII.

ПРИ ПОСЫЛКѢ БАЛА С. Э.

Тебѣ-ль невинной и спокойной
 Я приношу въ нескромный даръ
 Разказъ , гдѣ спрасши недоспойной
 Изображень пресшупный жаръ ?

И безобразный, и мясежной,
 Онъ не пѣнишь пивоей мечны ;
 Но что? на память дружбы нѣжной
 Его бышь можешь примешь шы.

Жилецъ семейшвеннаго круга ,
 Такъ въ даръ приемлешь домосѣдъ
 Ошъ пушешешвенника друга
 Пущыни дальной дикой цвѣпъ.

СХІХ.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала, и спарець ведикой смѣжилъ
 Орлиныя очи въ покоѣ ;
 Почилъ безмяшежно , зане совершилъ
 Въ предѣлѣ земномъ все земное !
 Надъ дивной могилой не плачь , не жалѣй,
 Чшо генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ ! но ничшо не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣша;
 На все ошозвался онъ сердцемъ своимъ,
 Чшо просишь у сердца ошвѣша:
 Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашель ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ пишало: шруды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣшы минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣшущихъ время упованья.
 Мечшою по волѣ проникнуть онъ могъ
 И въ нищую хашу, и въ царской чершогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
 Ручья разумѣлъ лепешанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ шравъ прозябанье,
 Была ему звѣздная книга ясна
 И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человекъ!
 И ежели жизнью земною
 Творецъ ограничилъ аспучій нашъ вѣкъ,
 И насъ за могильной доскою,
 За міромъ явленій не ждешъ ничего:
 Творца оправдаешъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
 Онъ здѣшной вполне ошдышавшій

И въ звучныхъ глубокихъ ошзывахъ, сполна

Все дольное долу отдавший,

Къ Предвѣчному легкой душой возлешить

И въ небѣ зсмное его не смушишь.

СХХ.

К. А. ТИМАШЕВОЙ.

Вамъ все дано съ щедрою приспрасной
Благоволишельной судьбой:

Владѣше вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красошой.

Чшо-жь грушь поеть блестящая пѣвница ?

Чшо-жь шомны взоры красошы ?

Печаль , печаль души ея царица,
Владычица ея мечшы.

Вамъ счастья нѣтъ , иль на одно мгновенье
Блеснувши, лучь его погась ;

Но счастливъ шомъ, кшо слышишь ваше пѣнье ,

Но счастливъ шомъ, кшо видишь васъ.

СХХІ.

Не славь обманушый Орфей,
 Мнѣ Элизійскія селеня :
 Элизій въ памяши моей
 И не кропимъ водой забвенья.
 Въ немъ міръ цвѣщущій старины
 Умершихъ шѣни населяюшъ,
 Привычки жизни сохраняюшъ
 И чувствъ ея не лишены.
 Тамъ живъ шы, Дельвигъ ! шамъ за чашей
 Еще со мною шушишь шы ,
 Поешь веселье дружбы нашей
 И сердца юныя мечшы.

СХХII.

Гдѣ сладкой шюпошь
 Моихъ лѣсовъ ?
 Пошокоть ропошь ,
 Цвѣшы луговъ ?
 Деревья голы;
 Коверъ зими
 Покрызъ холмы,
 Луга и доли.
 Подъ ледной
 Своей корой
 Ручей нѣмѣеть;
 Все цѣпѣеть ,
 Лишь въшерь змой
 Бушуя воешъ
 И небо кроешъ
 Съдою мглой.

За чѣмъ шоскуя
 Въ окно слѣжу я

Мятели лешь ?
Любимцу счастья
Кровь ошь венасшья
Оно даешь.
Огонь прескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пыль лешучій
Мнѣ веселяшъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечшаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О Провидѣнье
Благодаренье !
Забуду я
И дуновенье
Бурь бышія.
Скорбя душою,
Въ шокѣ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней

И подъ мяшежной
Мяшелю бѣдь,
Любовью нѣжной
Ея согрѣшь,
Забуду вскорѣ
Крушое горе,
Какъ въ эшошь мигъ
Забыль природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мяшежный крикъ.

СХХІІІ.

Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь !
На хлопошъ всшавая до звѣзды ,
Какой нибудь да пакосшьюзначишь
Ты каждой день безъ цѣли, безъ нужды !
Ты самъ себя, и прости и поделъ
Ипншимьей заштѣливой казнишь:
Забосливо шолчешъ ты уголь въ спугѣ
И шолько чшо лице свое пылашь.

СХХІV.

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Сстарательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнушь уповаемъ :
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ ?
Что наконецъ подсмощрять очи зорки ?
Что наконецъ поймешь надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ ,
Что ? шочный смыслъ народной поговорки.

СХХV.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
 Какъ ясень небосклонъ!
 Своей лазурію живой
 Слышишь мнѣ очи оны.

Весна, весна! какъ высоко
 На крыльяхъ въшерка,
 Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
 Летають облака!

Шумяшь ручьи! блестяшь ручьи!
 Взревѣвъ, рѣка несешь
 На торжествующемъ хребтѣ
 Поднятый ею ледь!

Еще древа обнажены,
 Но въ роцѣ вешной листъ,

Какъ прежде, подь моей ногой,
И шуметь и душишь.

Подь солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый, жавронокъ поешь
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ пшичкой пшичка! съ немъ журчишь,
Летаешь въ небѣ съ ней!

За чѣмъ шакъ радуешь ее
И солнце, и весна!
Ликуешь ли какъ дочь сшихій
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счасливъ, кто на немъ
Забвенъ мысли пѣшь,
Кого далеко ошь нее
Онъ дивный унесеть!

СХХVI.

Своенравное прозванье
 Дать я милой въ ласку ей :
 Безощетное созданье
 Дѣтской нѣжности моей,
 Чуждо явнаго значенья,
 Для меня оно символъ
 Чувствъ, копорымъ выраженья
 Въ языкахъ я не нашёлъ.
 Вспыхнувъ полное любовью
 И любви посвящено,
 Не хочу, чшобъ суесловью
 Было вѣдомо оно:
 Чшо въ немъ свѣшу ? Но сомнѣнье
 Если духъ ей возмушишь,
 О, его въ одно мгновенье
 Эшо имя побѣдитъ ;
 Но въ шомъ мѣрѣ, за могилой,
 Гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ

Для узнанья , другъ мой милой ,
Здѣшнихъ чувственныхъ примѣшъ ,
Имъ безсмертье я привѣчу ,
Имъ къ тебѣ воскликну я
И душѣ моеѣ на встрѣчу
Полешишь душа шволя.

СХХVII.

Хотя ты малой молодой,
 Но пожилую мудрость кажешь:
 Ты слова лишняго не скажешь
 Въ бесѣдѣ самой распашной;
 Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
 Ты съ горяча не заведешь,
 Къ ногамъ вершушки не падешь
 Ты пастушкомъ простосердечнымъ;
 Воздержнымъ голосомъ швоимъ
 Никшо крикливо не хвалимъ,
 Никшо сердито не осужень.
 Всѣмъ эшимъ хвасташь не спѣши:
 Не рѣдкой умъ на эшо нуженъ,
 Довольно дюжинной души.

СХХVIII.

Диша мое , она сказала,
 Возмешь иль нѣшь мое кольцо ?
 И головою покачала ,
 Съ учасшьемъ глядя ей въ лицо .

Знай , друга дасшь тебѣ , дѣвица ,
 Кольцо счастливое мое :
 Ты будешь думъ его царица ,
 Его вшорое быше .

Но договоръ судьбой ревнивой
 Съ прекраснымъ даромъ сопряжонъ ,
 И красотѣ самолюбивой
 Тяжелъ , я знаю , будешь онъ .

Свѣшь , къ ней суровый , не примѣшишь
 Ея привѣтливыхъ очей ,

Ея улыбку хладно всирѣшштъ
И не поймешъ ея рѣчей.

Вошче ей разумъ , дарованья ,
И чувствъ и мыслей прямога:
Ихъ свѣтъ оставишъ безъ вниманья,
Обезобразишъ клеветаша.

И долго , долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдешъ съ поникшей головою,
Одна съ уныніемъ своимъ.

Но дѣвы нѣжной не обманешъ
Мое счастливое кольцо :
Ей судія ея предшанешъ .
И процвѣшешъ ея лицо.

Внимала дѣва молодая
Невиннымъ взоромъ весела
И шайный жребій свой рѣшала,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жь съ надеждою веселой!
Творецъ себя благослови
На подвигъ долгой и тяжелой
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ швои ненашливые дни
Когда нужна тебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку прѣшани.

СХХІХ.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
 Въ дни необузданныхъ спрасней ,
 Со мною жилъ превратный гений
 Наперсникъ юности моей.
 Онъ жаръ воспоговъ несогласныхъ
 Во мнѣ пишалъ и раздувалъ;
 Но соразмѣрностей прекрасныхъ
 Въ душѣ носилъ я идеалъ :
 Когда лишь праздниковъ смияшенъ
 Алкалъ безумецъ молодой,
 Поэша мѣрия шворенъ
 Блжстали спройной красотой.

Спрасней порывы упихають ,
 Спрасней мяшежныхъ мечшы
 Передо мной не зашмѣвають
 Законовъ вѣчной красоты ;

И поэтического міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровашь, о лира!
Твое согласье захошѣлъ.

СХХХ.

ОТРЫВОКЪ.

ОНЪ.

Подъ вшой липою густою
 Со мною сядь, мой милый другъ;
 Смошри: какъ живо все вокругъ!
 Какой зеленой пеленою
 Къ рѣкѣ низходишь эшошь лугъ!
 Какая свѣжая дуброва
 Глядитса съ берега другова
 Въ ея веселое шекло!
 Какъ небо чисшо и свѣшло!
 Все въ шипинѣ; едва смуцаеть
 Живую сѣнь и чушкой шокъ
 Благоуханный вѣшерокъ:
 Онъ сердцу счастье навѣваетъ!
 Молчишь ты!

ОНА.

О любезный мой!

Всегда я счастлива съ тобой
И каждый мигъ равно ласкаю.

ОНЪ.

Я съ умиленною душой
Красу шворенья созерцаю.
Ошь эшихъ водъ, хъсовъ и горь
Я на эфирную обихель,
На небеса подъемлю взоръ
И думаю: великъ Зиждишель,
Прекрасень мѣръ ! Когда же я
Вспомню шою же порою ,
Чшо въ эшомъ мѣрѣ шы со мною ,
Подруга милая моя . . .
Нѣшь сладкимъ чувсшвамъ выраженья
И не могу въ избышкѣ ихъ
Невольныхъ слезъ благодаренья
Ошановишь въ глазахъ моихъ.

ОНА.

Воздай тебѣ Создатель вѣчный !
О чемъ еще его молишь !

Ахъ ! объ одномъ : не переживишь
Тебя, другъ милый, другъ сердечный.

ОНЪ.

Ты грушной мыслию меня
Смушила. Такъ ! сегодня зрѣнье
Плѣняешь свѣтъ веселый дня,
Плѣняешь Божіе шворенье;
Теперь въ рукѣ моей, швою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голось узнаю....
А завтра.... завтра.... какъ ужасно!
Мершвецъ незряцій и глухой,
Мершвецъ холодный !... Лучъ дневной
Въ глаза ударишь мнѣ напрасно !
Вошце къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь:
Я не проснусь ! И что мы знаемъ ?
Не шолько завтра, сей же часъ
Меня не будешь ! Кто изъ насъ

Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой ?

ОНА.

Чшо съ тобой ?
За чѣмъ швое воображенье
Предупреждаетъ Провидѣнье ?
Богъ милосердъ, другъ милой мой !
Здоровы, молоды мы оба :
Еще далеко намъ до гроба.

ОНЪ.

Но все-жь умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

ОНА.

Чшо же, милой ?
Есть бытіе и за могилой,
Намъ общалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ : нѣтъ сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будешь разлученья,

Гдѣ всѣ земныя опасенья
 Съ земною пылью ошрахемя.
 Ахъ ! какъ любишь безъ этой вѣрм.

ОНЪ.

Такъ, Всемогуцій безъ нее
 Насъ искушалъ бы выше мѣры :
 Такъ , есть другое бытіе !
 Ужели нѣкогда погубишь
 Во мнѣ Онъ то, что мыслишь, любишь,
 Чѣмъ Онъ созданье довершилъ ,
 Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ ,
 Міръ повзорилъ Онъ ошраженьемъ
 И самъ Себя изобразилъ ?
 Ужели Творческая сила
 Лукавымъ свѣтомъ бытія
 Мнѣ ужась гроба озарила,
 И только?... Нѣшь, не вѣрю я.
 Что свѣтъ являєшь? Пиръ несстройный !
 Презрѣнный властвуешь; достойный
 Поникъ гонимую главою ;
 Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
 Какъ ! не шерпящая смѣшенья
 Въ слѣпыхъ спихіяхъ вещества,

На хаосъ нравственный воззрѣнья
 Не бросишь мудрость Божества !
 Какъ ! между брашьями своими
 Мы видимъ правыхъ и благихъ,
 И превзойдешь дѣшьюми людскими,
 Не правъ, не благъ Создатель ихъ ? . . .
 Нѣтъ ! мы въ юдоли испышанья
 И ешь обильно воздаянья :
 Тамъ , за могильнымъ рубежемъ,
 Сіяетъ день незаходимый,
 И оправдается Незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

ОНА.

Зачѣмъ въ такіа размышленья
 Ты погружаешься душой ?
 Ужели нужны, милый мой,
 Для убѣжденныхъ убѣжденья ?
 Премудрость вышняго Творца
 Не намъ изслѣдовать и мѣришь :
 Въ смиреньи сердца надо вѣришь
 И терпѣливо ждешь конца.

Пойдемъ: грусна я въ самый дѣлъ,
И опъ мяшежныхъ словъ швоихъ,
Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
Сердечный шрепешъ не зашихъ.

СХХХІ.

Бывало, ошрокъ, звонкимъ кликомъ
 Лѣсное эхо я будилъ,
 И вѣрный ошкликъ въ лѣсѣ дикомъ
 Меня смяшенно веселилъ.
 Пора другая наступила
 И рифма юношу плѣнила
 Лѣсное эхо замѣня.
 Игра сшиховъ, игра злая !
 Какъ звуки звукамъ ошвѣчая
 Бывало нѣжили меня !
 Но все проходишь. Остываю
 Я и къ гармоніи сшиховъ
 И какъ дубровъ не окликаю,
 Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Финляндія.....	5
II. Порою ласковую Фею.....	9
III. Завыла буря ; хлябь морская.....	40
IV. Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ....	42
V. Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель.....	45
VI. О счастья съ младенчества шокую.....	46
VII. Наслаждаешься : все проходишь.....	49
VIII. Люблю я красавицу.....	20
IX. Леша.....	22
X. Разспались мы ; на мигъ очарованьемъ.....	23
XI. Къ чему невольнику мечшанія свободы?.....	24
XII. Разсѣиваешь грусть веселый шумъ пировъ.....	25
XIII. Пѣсня.....	26
XIV. Приманкой ласковыхъ рѣчей.....	28
XV. Паденіе листьевъ.....	29
XVI. Люби примѣшны.....	32
XVII. Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя, шы.....	33
XVIII. Когда-бъ избрать возможно было мнѣ.....	35
XIX. Гдѣ шы, безпечный другъ? гдѣ шы, о Дельвигъ мой.....	36
XX. Желанье счастья въ меня вдохнули боги.....	39
XXI. Мнѣ съ упоеніемъ замѣшнымъ.....	40
XXII. Цвѣшокъ.....	43
XXIII. Что пользы вамъ ошъ шумныхъ вашихъ преній.....	45
XXIV. Сердечнымъ ижнымъ языкомъ.....	46
XXV. Языкову.....	47
XXVI. Онъ близокъ, близокъ день свиданья.....	49
XXVII. Перелешай къ веселью ошъ веселья.....	50
XXVIII. И шакъ, мой милаый, не шуши.....	54

XXIX.	Мила какъ Грація, скромна.....	53
XXX.	Въ дорогу жизни снаряжая.....	54
XXXI.	Глупцы не чужды вдохновенья.....	55
XXXII.	Когда леопыщенъ я былъ.....	56
XXXIII.	Г-чу.....	57
XXXIV.	Незвѣдчивельной ошибкой.....	61
XXXV.	Дало двѣ доли Провидѣніе.....	63
XXXVI.	Одинъ, и пасмурный душою.....	65
XXXVII.	Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой.....	67
XXXVIII.	Лущковскому.....	68
XXXIX.	Когда печалью вдохновенный.....	74
XL.	Нѣтъ, обманула васъ молва.....	75
XLI.	Повѣрь, мой милый! швой Познѣ.....	74
XLII.	Тебя изъ шмы не изведу я.....	76
XLIII.	Какъ много шы, въ немного дней.....	78
XLIV.	Храни свое неопасенъе.....	79
XLV.	Вчера неспаливзвд ночь.....	80
XLVI.	Незнаю! милая, незнаю!.....	84
XLVII.	Вогдаиовичу.....	82
XLVIII.	Очарованъе красоты.....	87
XLIX.	Какъ сладншь съ глупосшью глупца.....	89
L.	Идилликъ новый на искусств.....	90
LI.	Такъ! отспавнаго шалуна.....	90
LII.	По замѣчанью моему.....	92
LIII.	Шумы, шуми съ крушой вершины.....	93
LIV.	Она придетъ! къ ея усшамъ.....	95
LV.	На кровы ближняго селенья.....	96
LVI.	Елизійскія поля.....	97
LVII.	Сей поцѣлуй, дарованный шобой.....	100
LVIII.	Тебѣ на памяшь, въ книгѣ сей.....	101
LIX.	Когда взойдешъ деиница золошная.....	103
LX.	Ожогенная лешунья.....	105
LXI.	И. И. Гнѣдичу.....	106
LXII.	Взгляни на ликъ колодный сей.....	111
LXIII.	Прощай, опчизна непогоды.....	112
LXIV.	Чувствительныи мнѣ дружескія пѣни.....	114

LXV.	Я послѣдилъ себя, глѣбительная снѣдь.....	145
LXVI.	Когда исчезнешь омраченье.....	149
LXVII.	Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдши....	121
LXVIII.	О своеправная Аглая!.....	123
LXIX.	Люблю деревню я и лѣшо.....	125
LXX.	Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышешь.....	126
LXXI.	Рука съ рукой Веселье, Горе.....	127
LXXII.	Рѣшиительно, печальныхъ спрокъ моихъ.....	128
LXXIII.	Ты ропщешь, важный журналистъ.....	130
LXIV.	Дельвигу.....	131
LXXV.	Мы пьемъ въ любви оправу сладкую.....	134
LXXVI.	Пришель строгой, ты не правъ.....	135
LXXVII.	К. З. А. Волконской.....	137
LXXVIII.	Не бойся ѣдкихъ осужденій.....	139
LXXIX.	Тебѣ я младость шаловливу.....	140
LXXX.	Поэтъ Писцовъ въ стихахъ шажеловатъ.....	144
LXXXI.	Чтобъ очаровывашъ сердца.....	142
LXXXII.	Разувѣреніе.....	145
LXXXIII.	А. А. Ф...ой.....	147
LXXXIV.	Живи смѣлый, товарищъ мой.....	149
LXXXV.	Не шрогайте Парнаскаго пера.....	151
LXXXVI.	Старикъ.....	152
LXXXVII.	Хвала, маститый нашъ Зоэль!.....	154
LXXXVIII.	Подражаніе Лафару.....	155
LXXXIX.	Я безразсуденъ—и не диво!.....	157
XC.	Д. Давыдову.....	160
XCI.	Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ.....	162
XCII.	Взгляните: свѣжестью молодой.....	164
XCIII.	Пришворной вѣжвости не шребуй отъ меня.....	165
XCIV.	Аврорѣ III.	168
XCV.	Чудный градъ порой сольешся.....	169
XCVI.	Я не любилъ ее, я аналъ.....	170
XCVII.	Изъ А. Шенъе.....	172
XCVIII.	Взгляни на звѣзды: много звѣздъ.....	173
XCIX.	Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.....	175
C.	Пора покинушь, милый другъ.....	176

СІ.	Не подражай: способразень гений.....	178
СІІ.	Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ.....	179
СІІІ.	Повѣрь, мой милый другъ, спрраданье нужно намъ.....	184
СІУ.	На звукъ цѣвинцы голосистой.....	185
СУ.	Не ослѣпляй я музою моею:.....	185
СУІ.	Черепъ.....	186
СУІІ.	О мысль! шебѣ удѣль цѣвшка:.....	188
СУІІІ.	Судьбой наложенныя цѣпи.....	189
СІХ.	Есть грошъ: Наяда шамъ въ полдневные часы. 192	192
СХІІ.	Мадона.....	193
СХІІІ.	О, вѣрь: шь нѣжная дороже славы миѣ.....	197
СХІІІІ.	Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ.....	198
СХУ.	Мой нехскусный карандашъ.....	199
СХУІ.	Послѣдняя смершь.....	200
СХУІІ.	К А. Свербеевой.....	205
СХУІІІ.	Слыжалъ я, добрые друзья.....	207
СХУІІІІ.	Есть милая ширана, есть уголь на землѣ.....	210
СХУІІІІІ.	При посылкѣ бала С. Э.....	212
СХІХ.	На смершь Геше.....	213
СХХ.	К. А. Тимашевой.....	216
СХХІ.	Не славь обманушый Орфей.....	217
СХХІІ.	Гдѣ сладкой шопошъ.....	218
СХХІІІ.	Какъ ревностно шь самъ себя дурачить.....	224
СХХІІІІ.	Шпарашельно мы наблюдаемъ свѣшъ.....	222
СХХУ.	Весна, весна! какъ воздухъ чистъ.....	223
СХХУІ.	Своенравное прозвание.....	225
СХХУІІ.	Хотя шь малой молодой.....	227
СХХУІІІ.	Дня мюс, она сказала.....	228
СХХІХ.	Въ дни безграничныхъ увлеченій.....	231
СХХХ.	Ошрывокъ.....	233
СХХХІ.	Бывало, ошрокъ, знондимъ клякомъ.....	240

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано.

Читай.

Стр. Стих.

- | | | | |
|-----|-------|-------------------------|----------------------------|
| 49 | 9 | Не ропщише: все прохо- | Не ропщише: все проходишь! |
| | | дишь, | |
| 76 | 15 | И въ немъ, прохладнымъ | И въ немъ, прохладнымъ |
| | | духовенемъ, | духовенемъ, |
| 118 | 2 и 3 | Гдѣ въ сладостной шѣни | Гдѣ въ сладостной шѣни ис- |
| | | невянущихъ дубровъ | вянущихъ дубровъ, |
| | | У нескудящихъ ручьѣвъ | У нескудящихъ ручьѣвъ, |
| 224 | 5 | Ты самъ себя, и просишь | Ты самъ себя и просишь и |
| | | и поделъ | поделъ вкушъ, |

